

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ

СВЯТАЯ НАУКА УСЛЫШАТЬ ДРУГ ДРУГА

**Деятели тифлологии –
юбиляры 2008 года**

МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

**РОСТОВ-НА-ДОНУ
2008**

Ответственная за выпуск И. К. Ермоленко

Редактор-составитель Е. И. Соколова

Компьютерная вёрстка: Е. И. Соколова

*Ещё он не шит, твой наряд подвенечный,
И хор в нашу честь не споёт...
А время торопит – возница беспечный...
И просятся кони в полёт!
И просятся кони в полёт.*

*Ах, только бы тройка не сбилась бы с круга,
Бубенчик не смолк под дугой...
Две верных подруги – любовь и разлука –
Не ходят одна без другой!
Не ходят одна без другой.*

*Мы сами открыли ворота, мы сами.
Счастливую тройку впрягли...
И вот уже что-то сияет пред нами,
Но что-то погасло вдали!
Но что-то погасло вдали.*

*Святая наука расслышать друг друга
Сквозь ветер на все времена!
Две странницы вечных – любовь и разлука –
Поделятся с нами сполна!
Поделятся с нами сполна.*

*Чем дальше живём мы, тем годы короче,
Тем слаще друзей голоса...
Ах, только б не смолк под дугой колокольчик,
Глаза бы глядели в глаза!
Глаза бы глядели в глаза.*

*То берег, то море, то солнце, то вьюга,
То ласточки, то вороньё.
Две вечных дороги – любовь и разлука –
Проходят сквозь сердце моё!
Проходят сквозь сердце моё.*

*Две вечных дороги – любовь и разлука –
Проходят сквозь сердце моё.*

Песня из кинофильма «Нас венчали не в церкви...»
Сл. Б. Окуджавы.
Муз. И. Шварца.

СОДЕРЖАНИЕ:

От редакции.....	5
Первый российский по Брайлю («Досуг слепых»).....	6
Журнал энциклопедический («Школьный вестник»).....	8
Гений дзюдо (Г. Шнейдерман).....	11
Человек создан для счастья (В. Короленко).....	14
Внук Рахметова (Э. Асадов).....	18
Последний русский философ (А. Лосев).....	24
Он поёт песни как оперу и оперу как песенки (А. Бочелли)....	30
Нельзя молчать, когда душа кричит (Н. Мерзликина).....	34
Не склонивший головы (В. Сорокин).....	37

ОТ РЕДАКЦИИ

Здравствуйтесь, уважаемый читатель!

Вот и подошёл наш с Вами первый маленький юбилей.

Вы держите в руках пятую по счёту книжечку с названием «Святая наука услышать друг друга...» Вот уже пять лет мы ещё раз вспоминаем об известных личностях. Вместе с Вами.

И стараемся рассказать Вам о ярких судьбах и свершениях личностей, совсем не известных обществу.

Не забываем о людях, просто – по велению души и сердца – внёсших неоценимый вклад в дело просвещения, образования и реабилитации инвалидов.

Жили они все в разные века и в разных странах. И продолжают жить.

За эти годы на страницах выпусков появлялись имена Лины По, Валентина Гаюи, Фёдора Гааза, Луи Брайля, Анны Адлер, Дионисия Оболенского, Тамары Паньковой, Льва Выготского, Святослава Фёдорова, Мориса де Сизерана и многих-многих других.

Мы рассказывали об истории создания журнала «Наша жизнь», о книге Марата Бирючкова «Силуэты» и о самом обществе ВОС.

Немало места уделяли краеведческой тематике.

Наконец, мы рассказали о нашей библиотеке.

Всего написано 42 статьи.

Некоторые материалы для них авторы даже специально заказывали в библиотеках других городов России, а к некоторым нашим героям приходили за интервью домой.

Мы задумали выпуск этого издания в 2003 году, и в январе 2004-го увидел свет новорождённый первый сборничек.

Начинался он словами:

«Кому и как делать добро? Вероятно, в первую очередь тем, кто не может сам себе помочь.

Традиции благотворительности заложил в своём Уставе великий князь Киевский Владимир Святославович ещё в X веке. Он первым определил законодательно оказание материальной помощи обездоленным, в частности, слепым: ...им должно быть дадено кров, питание, одеждыны»...

Вот так, по-своему, вносим свою лепту в это княжеское завещание и мы и продолжаем собирать материалы о деятелях тифлологии.

«Святая наука услышать друг друга»...

Как важно это в нашей – такой сложной; стремительной, подчас, несправедливой; но всё равно – такой прекрасной жизни.

В название сборника мы вынесли строчку из редкой по красоте песни о любви. Правда (да простят нас авторы!), изменили одно слово. У Окуджавы – «Расслышать друг друга».

А у нас – услышать. Не немножко расслышать.

Услышать. Сквозь ветер, сквозь пургу, сквозь ураган – и на все времена.

Это великое дело – услышать друг друга зрячему и незрячему – и суметь протянуть в нужный момент руку помощи.

Итак, пятый выпуск.

Вы найдёте здесь материалы о двух Героях Советского Союза – Василии Сорокине и Эдуарде Асадове, об уникальном человеке – философе Алексее Лосеве, о первом детском журнале РТШ «Школьный вестник».

И о многом другом.

Открывается сборник страниц, посвящённой юбилею I русского журнала РТШ «Досуг слепых». 1 января он отмечает свой 110-й день рождения.

*В. А. Казьмина,
главный библиотекарь
отдела обслуживания*

ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ ПО БРАЙЛЮ

Издавна помощь страждущим ближним составляла высший моральный долг человека.

Евангелие от Иоанна гласит: *«И проходя, увидел человека слепого от рождения. Ученики Его спросили у Него: Равви! кто согрешил, он или родители его, что он родился слепым? Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нём явились дела Божии».*

Без стремления к делам сострадания и милосердия каждый из нас обречён на неисцелимую духовную слепоту и глухоту.

К началу XIX века относится возникновение в России училищ для слепых и глухонемых детей.

Примерно тогда же в их стенах организуются первые библиотеки, ориентированные на специфические запросы детей с физическими недостатками.

Осенью 1806 года в Петербург по приглашению Александра I приезжает Валентин Гаюи, известный французский тифлопедагог, создатель книг для слепых, рельефные буквы в которых повторяли очертание обычных.

В основанном Гаюи «Петербургском институте слепых детей» уже через пять лет печатаются первые книги для незрячих в России: «Краткие начальные основания российской грамматики», ноты для слепых, пособия религиозного содержания.

Книги для слепых в то время стоили дорого; рельефные знаки читались с трудом, для узнавания одного знака требовалось несколько движений осязающим пальцем. Печатались они на рыхлой бумаге, рельефные буквы расплывались и были загромождены излишними деталями.

Регулярно выпускать литературу для слепых в России пытались только воспитанники Института слепых в Петербурге, печатавшие книги рельефно-линейного шрифта. За 1892-94 годы они издали 47 названий в 432 томах по 5 экземпляров каждого наименования.

Общественный подъём 60-80-х годов позапрошлого века, как ни странно, благоприятно сказался на положении инвалидов.

В России вошло в моду меценатство. Но все быть Третьяковыми и Морозовыми не могли, поэтому многие дамы из высшего света решили обратить свой взор на малоимущих.

Тем более, что шла русско-турецкая война.

Как следствие – много инвалидов, в том числе, военно-ослепших.

Случился именно тот случай, когда не было бы счастья, да несчастье помогло.

В 1895 году при Александро-Мариинском училище слепых в Санкт-Петербурге была организована небольшая типография, которая занялась регулярным выпуском брайлевской литературы.

1 января 1898 года Попечительство императрицы Марии Александровны начинает выпускать журнал «Досуг слепых». Буквы – РТШ.

Тираж – 250 экземпляров.

Объём каждого выпуска не превышал 30 листов.

Годовая подписка стоила 1 рубль.

В этом же году в Париже проходила Всемирная выставка. Наверное, это был знак свыше – то, что в технический павильон заглянул российский император Николай II и его привлекли необычные печатные станки...

Вот так типография Александро-Мариинского училища пополнилась двумя такими станками, приобретёнными на личные средства царя.

Идейная и тематическая направленность журнала определялись специальной программой, утверждённой Министерством внутренних дел, а его содержание отражало те политические, экономические и нравственные принципы общества, под влиянием которых действовало Попечительство.

В журнале «Досуг слепых» публиковались литературно-художественные произведения, отчёты о деятельности благотворительных организаций, биографии попечителей и благотворителей, статьи религиозного содержания, царские указы. В годы I мировой войны на страницах журнала всё чаще появлялись материалы об инвалидах и их нуждах.

А вот информация о трудовой деятельности незрячих на страницах журнала помещалась довольно редко. Это были, как правило, корреспонденции о работе слепых щёточников и корзищиков. А вопросам подготовки слепых – например, к профессиональной музыкальной деятельности, – уделялось и вовсе скудное внимание.

Зато литературно-художественным произведениям русских и зарубежных классиков в журнале отводилось довольно-таки значительное место, порой они занимали треть его объёма.

К примеру, здесь печатались рассказы Ивана Тургенева, Дмитрия Григоровича, Антона Чехова, Владимира Короленко, Максима Горького. Кроме того, можно было прочитать материалы о жизни и творчестве Александра Пушкина, Василия Жуковского, Николая Гоголя, Джона Мильтона, Фридриха Шиллера и других писателей и поэтов.

Иногда в журнале помещались художественные сочинения незрячих авторов, например очерк Александра Белорукова «Слепой перед судом», стихотворения Николая Шилова, повесть Всеволода Рязанцева «Слепой Ивка». Примечательно, что произведения незрячих оплачивались выше произведений зрячих. Если зрячий за страницу текста получал 2 рубля гонорара, то незрячий – 2 рубля 50 копеек.

Подчёркивая важность этого начинания, Белоруков отмечал: *«...С изданием журнала, печатаемого брайлевским шрифтом, у слепых значительно увеличивается самостоятельность в удовлетворении желания почитать; а для тех из них, которые по окончании учебного курса оставляют училище и переселяются на жительство в дом своих родителей, где для них не представляется почти никакой возможности доставать для себя книги, этот журнал есть единственный и так легко доступный источник чтения...»*

«Досуг слепых» выходил до 1917 года. Возглавлял редакцию первенца брайлевской периодики в России инспектор губернских училищ для слепых А. Л. Смирнов.

В 1918 году почти все дореволюционные учреждения для слепых в Петрограде были переведены в так называемый «Городок слепых» на Петроградской стороне; в том числе типография и библиотека Александро-Мариинского училища, Институт слепых, мастерские, богадельни.

Это было время национальной трагедии России. Инвалиды голодали и бедствовали вместе со всем народом, государственные мероприятия в помощь им оказывались крайне малоэффективными.

В особо тяжёлом положении оказались библиотеки школ для слепых, поскольку издание книг для слепых вообще прекратили из-за нехватки цинка (в печати для слепых цинк употребляется для изготовления брайлевских стереотипов).

Только после окончания Гражданской войны появилась возможность возобновления такой печати.

Но журнал «Досуг слепых» больше не издавался.

В 1924 году вышел первый номер журнала «Жизнь слепых», напечатанный рельефно-точечным шрифтом.

1 июня мы отмечаем ещё одну дату, связанную с журналистикой, – 70-летие выхода в свет I в СССР журнала для слепых детей «Школьный вестник».

*Э. А. Васильченко,
заведующая
отделом обслуживания*

ЖУРНАЛ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ

О слепых детях (как и о детях-инвалидах вообще) у нас вспоминают нечасто – разве что к Новому году и ко Дню защиты детей.

А они, в сущности, нуждаются в том же, что и зрячие их сверстники, – в любви, заботе, понимании, в полноценной духовной пище. В последней, возможно, даже более, чем ребята с нормальным зрением. Ведь для того, чтобы не замкнуться в маленьком «инвалидном» мирке, состояться как личность, реализоваться как можно полнее, надо иметь немало душевных сил и определённую духовную зрелость.

«Состояться как личность», «добиться успеха» – отнюдь не красивые слова. Вершина «карьеры» слепого – не игра на баяне или гитаре в подземном переходе, как это может показаться обывателю.

Среди незрячих – десятки кандидатов и докторов наук, адвокаты, юристы, профессиональные музыканты, преподаватели вузов, программисты и математики, прекрасные массажисты.

К примеру, академика Леонида Понтрягина и депутата всех созывов Государственной Думы Олега Смолина знают не только у нас, но и за рубежом.

Что читает слепой ребёнок (если его научили читать) в пору формирования его личности?

В пору, когда он на ощупь открывает для себя этот мир?

Книг, прямо скажем, для слепых детей выпускается мало. Государство обеспечивает их школьными учебниками, напечатанными рельефно-точечным шрифтом Брайля. Художественной литературы для слепых детей – всего 15-20 названий в год. Вот и всё. Плюс детские радиопередачи, которые можно пересчитать по пальцам одной руки, да «говорящая книга» – это книги, начитанные на аудиокассеты и компакт-диски в формате MP3.

А из периодической печати – всего один журнал на всю Россию.

«Школьный вестник».

Именно он должен заменить незрячим малышам, подросткам и юношеству десятки, если не сотни, детских газет и журналов, выходящих для их зрячих ровесников.

И знаете, что интересно? Журнал с этой колоссальной ответственностью и нагрузкой справляется. Большинство его подписчиков начинают читать журнал лет в 6-7... и выписывают порой до преклонного возраста.

«Пройдёте двести шагов по большой улице, вы узнаете её, там очень шумно. Потом повернёте направо, там будет железная дорога. Только осторожнее переходите, послушайте: не едет ли поезд...» - главный редактор журнала «Школьный вестник» Юрий Иванович Кочетков объясняет, как добраться до редакции по звукам.

Половина всех сотрудников журнала проделывают этот путь именно так. Единственное в России периодическое издание для слепых и слабовидящих детей верстают, не глядя на экран компьютера, и редактируют, читая рукопись пальцами. По словам Юрия Кочеткова, выражение «слепой ведёт слепого» – это не всегда синоним абсурда: каким-то вещам незрячего может научить только такой же, как он.

«Школьный вестник» – уникальный журнал с интереснейшей историей и судьбой.

В начале 1938 года Надежда Константиновна Крупская получила письмо из Ленинграда от воспитанников института для слепых детей. Они писали: *«Хотим, чтобы у нас тоже был свой журнал!»*

Идею создания журнала поддержал первый секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Косарев и председатель Центрального правления ВОС Владимир Викторов. Первый номер вышел в свет в том же 1938 году, в июне. Назывался он тогда «Советский школьник».

И продолжал выходить даже в годы Великой Отечественной.

Возглавлял редакцию тогда незрячий писатель Фёдор Шоев.

Журнал публиковал письма школьников-инвалидов о своей учёбе, о трудностях военной жизни.

Детвора обменивалась опытом, как лучше помочь потерявшим зрение фронтовикам в овладении системой Брайля, в самообслуживании и ориентировке в пространстве. В заметках можно было прочитать о том, как ребята собирают лекарственные травы; работают в школьных мастерских, выпуская продукцию для фронта; как читают раненым бойцам брайлевские книги; как дают концерты в госпиталях.

В 60-е годы на страницах журнала появились новые рубрики: «Алый парус», «Звёздочки», «Понемногу обо всём». А рассказы, например, об архитектуре стали сопровождаться рельефными изображениями. Появились фонетические приложения в виде гибких грампластинок.

Таким образом, «Советский школьник» восполнял пробелы не только в информационном образовании детей с ограничением дееспособности, но ещё и в эстетическом.

Вскоре он был признан лучшим изданием для незрячих.

В середине 90-х на обложке появилось новое название: «Школьный вестник».

Тогда, в далёкие 30-е годы журнал состоял из набранных шрифтом РТШ перепечаток из других изданий.

Сейчас перепечатки занимают лишь незначительную часть журнала. Всё остальное – оригинальные материалы, учитывающие специфику читательской аудитории и освещающие конкретные проблемы незрячих детей.

Как говорят в редакции, «Школьный вестник» – «журнал энциклопедический», и в этом смысле номера его практически не устаревают.

На страницах редакторы пытаются максимально расширить круг знаний незрячих ребят: с помощью журнала они учатся создавать оригами и изучают эсперанто, знакомятся с последними достижениями науки и техники.

Публикуются материалы по вопросам науки, литературы, искусства, культуры, спорта и различных тифло: -техники, -педагогике, -психологии. Освещаются проблемы социальной реабилитации незрячих. Журнал пропагандирует достижения слепых всего мира в различных сферах деятельности.

Среди постоянных авторов «Школьного вестника» – учёные с мировым именем: доктор философских наук Анатолий Майданов, член-корреспондент Академии информатизации при ООН Александр Суворов.

На страницах журнала публиковались лучшие детские писатели и поэты – Лев Кассиль, Валентин Берестов и другие.

А некоторые писатели отдают «Школьному вестнику» право первой публикации своих новых текстов: впервые они выходят в свет именно здесь, а уже потом – в плоскочечатном варианте. Например, так было с повестью Юрия Коваля «Самая лёгкая лодка в мире».

В журнале были и до сих пор остаются рубрики: «Беседы об архитектуре», «Беседы о живописи», «Библиотечка музыканта», «Музыкальный клуб», «На поэтической волне», «На чёрных и белых полях», «Практикум эсперантиста», «Силуэты», «Советы Маши-искусницы», «Спортсмену и болельщику», «Уголок радиолюбителя» и ряд других.

А ещё есть рубрика «Аз, буки, веди» – для самых маленьких читателей.

«Школьный вестник» знакомит своих читателей и с изобразительным искусством. Во все номера вложены пластины (рельефно-графические изображения шедевров мирового изобразительного искусства и памятников архитектуры), изготовленные на специальной полимерной плёнке.

А вот, например, в № 8 за 1998 год была впервые опубликована для незрячих рельефная карта Российской Федерации.

Журнал «Школьный вестник» – единственный в своём роде не только в России, но и в мире.

Аналогов ему нет.

Журналы для слепых детей за рубежом, конечно, есть, но они до сих пор представляют собой дайджесты (перепечатки) из периодических изданий для детей и юношества, а на страницах «Школьного вестника» постоянно публикуются оригинальные материалы, содержащие информацию, предназначенную именно для специальной читательской аудитории.

Как единственному в стране изданию для слепых детей, журналу приходится учитывать вкусы и интересы всех возрастов: от самых маленьких читателей до выпускников школ, не забывая при этом о родителях и учителях. Поэтому печатному слову в «Школьном вестнике» постоянно не хватает места.

«Столько всего хочется сделать, - жалуется главный редактор журнала Юрий Кочетков, - а возможности ограничены. У нас всего три с половиной учётно-издательских листа, и мы всё время оказываемся перед дилеммой: каким статьям придётся подождать? Нам жизненно необходимы приложения. И мы могли бы их выпускать своими силами, только денег на это не допросишься.

Во всём мире, даже в бывших союзных республиках, например, на Украине, издания, подобные «Школьному вестнику», находятся на полном государственном обеспечении. У нас журнал для слепых детей государство финансирует лишь частично. Хватает только на полиграфические расходы. Зарплаты сотрудникам, гонорары авторам, деньги на приобретение специальной техники (компьютеры с тактильными дисплеями, например), арендная плата и прочие расходы повисают в воздухе.

(Если бы не помощь ОАО «Молодая гвардия», в помещении которого с 1980 года находится редакция «Школьного вестника», единственный в стране журнал для слепых детей уже давно бы прекратил своё существование.)

«Молодогвардейцы» в самые тяжёлые для российской печати времена, в начале 90-х, не оставили нас. Без помощи «Молодой гвардии» мы и сегодня бы не выжили, поскольку издания, подобные нашему журналу, всегда убыточны».

Поэтому «Школьному вестнику», как и многим другим социальным проектам, не востребованным в родном государстве, приходится прибегать к помощи западных грантодателей.

С июня 1997 года издаётся укрупнённым шрифтом плоскочечатный вариант журнала «Школьный вестник» для слабовидящих читателей.

Весь тираж рассылается по разнарядке Министерства образования РФ бесплатно во все школы для слепых и слабовидящих детей России и бесплатно – во все специальные библиотеки для слепых. Естественно, и в нашу тоже.

Выходит журнал сейчас тиражом 600 экземпляров. Это толстое и тяжёлое издание. Один номер «Школьного вестника» весит 900 граммов. Почти килограмм!

В 2008 году журнал отмечает 70-летие.

Никаких государственных наград за свою многолетнюю просветительскую гуманистическую деятельность он не имеет.

Но...

Одна реликвия у журнала есть: в 1998 году «Школьный вестник» был награждён орденом Святого царевича Димитрия «За дела милосердия».

Благословлён орден патриархом Русской православной церкви Алексием, а присуждается Международной ассоциацией детских фондов.

Это дорогого стоит.

7 июля ВОС Ростовской области будет отмечать красивую дату – 55-летие со дня рождения Григория Шнейдермана – Паралимпийского чемпиона.

*О. В. Глазунова,
зав. сектором тифлобиблиографии*

ГЕНИЙ ДЗЮДО

«Чемпионат мира по дзюдо проходил 7 и 8 сентября в Риме. В моей весовой категории до 100 кг было 11 честолюбивых соперников. В напряжённом состязании удалось занять третье место.

Борьба за пьедестал почёта была упорнейшей. Например, австриец – лидер нашей группы оказался четвёртым, американец – олимпийский чемпион Сиднея в весе 120 кг, перешедший в категорию до 100 кг, занял второе место. Из семи победителей прошлого чемпионата мира, лишь двое подтвердили свои звания, а из такого же количества олимпийских чемпионов – только трое.

Мною одержаны чистые победы над немцем и иранцем, проиграл китайцу, ставшему чемпионом, а в утешительном поединке, в котором разыгрывалась бронзовая медаль, одолел японца.

Убеждён, что мог бы выступить получше.

И вот почему.

На тренировочном сборе, проходившем в Башкортостане, тренеры устроили мне дополнительный отбор в день отъезда на мировое соревнование. Хотя по итогам чемпионата России я заранее был включён в сборную команду страны под № 1!

Началось всё сначала. Чтобы попасть в Италию, требовалось выиграть злополучную прикидку. Свою задачу выполнил. Но это стоило большого расхода моральных и физических сил, повреждённого пальца на ноге. Так что путь в Рим оказался очень тяжёлым...

Затем состоялись командные состязания – «стенка на стенку», в которых участвовали представители 25 стран (на прошлом чемпионате мира – 13). Конкуренция – острейшая.

Россияне победили англичан и канадцев, уступили французам (второе место) и в утешительной встрече за третье место проиграли иранцам с результатом 1:4.

Тренеры похвалили меня за стойкость...»

Так рассказывает об участии в чемпионате мира сам спортсмен-дзюдоист.

От себя добавим, что то единственное очко принёс своему коллективу именно Шнейдерман.

Григорий Борисович Шнейдерман родился 7 июля 1953 года в Туле.

Переболев в детстве рахитом, мальчик стал отставать в развитии. Уроки физкультуры были для Григория настоящей пыткой. Сверстники его часто били и дразнили «очкариком» и «грушей» из-за особенностей строения тела. Поэтому мальчик старался не носить очки, а запоминал расположение окружающих предметов, дорогу, хотя диагноз был – «плюс девять».

В мечтах маленький Гриша представлял себя героем, сильным и умным, который и врагам отомстит, и несчастным поможет.

Так сложилось, что Григорий получил инвалидность только в 47 лет.

Однажды мама маленького Гриши возмутилась, когда на медосмотре ей предложили отдать сына в интернат для незрячих.

Так он и жил – документально слабовидящим не признанный.

Потом Григорий скажет: *«Но если бы тогда меня превратили в инвалида, освободили бы от физических и душевных мук, скорее всего, ничего бы в жизни я не добился. Не пришлось бы бороться ни с собственными комплексами, ни с жестокостью других людей. Хотя трудности могли и сломать – был бы грустный финал: сидел бы перед вами алкоголик.*

Или не сидел бы. Потому что повесился бы».

После восьмого класса Гришу с наилучшими пожеланиями из школы попросили: мол, парень ты хороший, но с 50 ошибками в диктанте далеко не пойдёшь. Гриша, и правда, учился плохо. Но что удивительно – вступительные экзамены в Московский пушно-меховой техникум сдал на четвёрки.

Именно в техникуме он пришёл в секцию греко-римской борьбы. Было много поражений и обид, но постепенно всё наладилось.

Принципом жизни стал девиз: *«Побороть обстоятельства и себя, доказать тем, кто не верит, что могу выложиться на все «сто»»*.

В 1971 году по окончании техникума пришёл он по распределению работать в Персиановский зверопромхоз бригадиром. И стал лучшим специалистом по норкам.

Затем новая вершина: решил заодно с приятелем поступать в Ростовский пединститут на факультет физкультуры. Плавание и лёгкую атлетику сдали, а гимнастику завалили.

Вот так будущего олимпийского чемпиона не приняли в физкультурники.

Он не отчаялся – поступил на зооинженерный факультет Донского сельхозинститута (ДСХИ), откуда вышел лучшим студентом курса с единственной четвёркой по высшей математике.

В 1979 году с отличием закончил Персиановский сельскохозяйственный институт и уехал работать старшим научным сотрудником в племсовхоз «Прогресс» Зимовниковского района.

В совхозе организовал секцию классической борьбы для детей и взрослых.

Защита диссертации (очень своеобразная для непосвящённых тема – генетика и селекция калмыцкого скота) и серебряная медаль ВДНХ дали право Шнейдерману считаться одним из ведущих специалистов не только Ростовской области – всей России.

За годы учёбы Григорий стал призёром и чемпионом Московской области среди юношей и взрослых спортсменов спортивного общества «Урожай». В это же время успешно выступал на различных соревнованиях по классической и вольной борьбе. Был призёром Всероссийских и Всесоюзных турниров среди борцов сельскохозяйственных вузов.

В начале 90-х он уже доцент на кафедре в ДСХИ.

В 46 лет Григорий Борисович случайно узнал, что в мире проводятся соревнования для инвалидов. Началась эпоха хождения по врачам. Со зрением «плюс десять» ему 2 года пришлось доказывать, что он действительно плохо видит – ведь только группа инвалидности открывала ему дорогу в инвалидный спорт. Сначала его называли симулянтom: мол, *«при таком зрении человек из дома без сопровождения не выходит, а Вы вуз закончили»*.

Пришлось пережить достаточно унижений, пока врачи, наконец, не признали, что Григорий Шнейдерман просто невероятно адаптирован к жизни в обычных условиях! Но видеть лучше он, однако, от этого не стал...

Вот так Григорий Борисович получил вторую группу инвалидности по зрению и сразу же отправился в Уфу на чемпионат России по дзюдо среди слабовидящих.

Если честно – то была откровенная авантюра.

Шнейдерман не имел никакого представления о дзюдо, даже правил не знал. Позади почти 30-летний опыт греко-римской борьбы, но по этому виду спорта соревнований нет. Даже кимоно не было – поехал в красной спортивной куртке. Решил, что если судьи спросят, сошлётся на то, что он – дальтоник, вот куртку и перепутал.

В Ростов Григорий вернулся с золотой медалью чемпиона России в своей категории и серебряной – в абсолютной.

Он и сейчас единственный инвалид-дзюдоист на Дону.

Сам Григорий Борисович сравнивает себя с летучей мышью: не птица, не грызун, не слепой, не зрячий.

Во время Паралимпийских игр в Сиднее 2000 года (где в дзюдо-спорте Шнейдерман стал серебряным призёром) ему довелось общаться с лучшими окулистами Австралии.

На Паралимпиаде инвалидов балуют – лечат зубы, делают очки.

Всем очки делали 2 – 3 дня, а на Григория потратили 3 недели. Окулисты просто светились от счастья, что им такой уникальный случай попался – делать очки «плюс одиннадцать» и «минус полтора», да ещё и с поворотом оси на 180 градусов!

Российские врачи увидев чудо-очки, сказали, что в России такое «королевство кривых зеркал» никто ему в тутошних оптиках делать не будет...

Сейчас Григорий Борисович уже пятикратный чемпион России. На чемпионатах Европы он взял золотую и 2 серебряных медали, на чемпионате мира в Мадриде – «бронзу», на Кубке мира в Рио-Жанейро – «серебро», на международном турнире в Вильнюсе – 2 «золота».

Но самой дорогой наградой, конечно, стала серебряная медаль Паралимпийских игр в Сиднее.

«Победа в Олимпиаде для меня важна была как возможность попасть в историю человечества. Когда было объявлено моё имя, никакой радости я не почувствовал – не было сил.

Позже я ощутил особый олимпийский воздух. С этой высоты на себя и других людей смотришь спокойно, даже снисходительно. Просто потому, что был там, где большинству не дано.

Это как будто умереть и снова воскреснуть».

Победа в Олимпиаде нужна была Григорию Борисовичу ещё по одной причине. За пару лет до игр в Сиднее он побывал в Иерусалиме, где на Стене плача оставил листок с тремя заветными желаниями. Первое – «олимпийская медаль для себя», второе – «олимпийская премия для Сергея», третье – «открытие для человечества».

Сергей Воронин (друг Григория, тоже аграрий) в 1995 году после аварии может передвигаться только в инвалидной коляске. Несмотря на перебитую спину и искалеченную жизнь, Сергей не отчаивается. Он воспитывает детей, мастерит мебель, растит сад.

«Когда видишь такую беду – своя кажется мелочью», - говорит Шнейдерман.

Он очень надеялся, что премии за победу на Олимпийских играх хватит на операцию для друга.

Так что первая мечта сбылась, а вот вторая...

Получил Григорий своих наградных в 15 раз меньше.

Оказалось, что Российское правительство приняло решение победителей-инвалидов поощрять значительно меньшей суммой. Так что никакую операцию Сергею не сделали, полученных денег хватило лишь, чтобы немного благоустроить быт семьи друга.

Но Григорий не отчаивается, он уже приступил к тренировкам, он хочет привезти золотую медаль, победив на следующих Паралимпийских играх!

А ещё же есть и третья мечта!

Григорий Борисович Шнейдерман не только спортсмен и биолог – в 1998 году он получил диплом РГУ по специальности «клинический психолог».

Так вот, третья мечта – совершить открытие, которое позволило бы разработать методику психологической реабилитации внезапно ослепших людей. Например, в ходе военных действий.

«Это намного страшнее того, что было со мной. Если мне удастся достичь и этой цели – значит, я точно не зря жил. А если и Нобелевскую премию получу – будет совсем здорово».

По результатам Паралимпиады ему присвоено звание «Заслуженный мастер спорта».

А 6 мая 2002 года за успехи в Олимпийских играх была вручена государственная награда – орден «За заслуги перед Отечеством» II степени.

...А ещё по итогам многочисленных научных исследований он является автором 30 публикаций и создателем I Племенного завода по разведению скота калмыцкой породы в Ростовской области.

15 июля исполняется 155 лет со дня рождения писателя и общественного деятеля Владимира Короленко. О нём – наш следующий рассказик.

Л. А. Федюнина,
заведующая отделом
внестационарного обслуживания

ЧЕЛОВЕК СОЗДАН ДЛЯ СЧАСТЬЯ

Владимир Галактионович Короленко – это, наверное, единственный (разве что кроме Гоголя) великий писатель, которого справедливо считают «своим» два народа: украинский и русский.

Судьба распорядилась так, что, человек, неразрывно связанный с русской культурой, ставший, по существу, выразителем её глубинной сути, почти 40 лет прожил на Украине. Половину отпущенного ему срока он провёл в Житомире и Полтаве.

Две губернские столицы тогдашней Малороссии стали «альфой и омегой» жизненного пути писателя, во многом повлияв не только на его литературное творчество, но и прежде всего – на абсолютную и бескомпромиссную гражданскую честность, постоянное проявление которой позволило Максиму Горькому сказать о Короленко: *«Среди русских культурных людей я не встречал человека с таким неутолимимым стремлением к правде-справедливости».*

Бесспорно, первые ростки этого «стремления к правде» появились в душе Короленко ещё в «волынском» детстве.

Житомир, где 15 июля 1853 года появился на свет будущий писатель (в доме в 1973 году открыт мемориальный музей), был тогда столицей большой Волынской губернии – уникального по тем временам региона с хитросплетением политических, национальных и религиозных особенностей.

Ещё совсем недавно, полвека назад, эта старинная украинская земля была частью Речи Посполитой, о чём напоминали десятки польских сёл и городков, множество костёлов, а также – наибольший процент поляков среди всех малороссийских губерний.

Польский язык в середине XIX века оставался родным для многих житомирян. А католицизм, который был в Российской империи верой «второго сорта», на Волыни почти не уступал своих позиций православия.

Дополнял такой своеобразный «этнорелигиозный» портрет Волыни традиционно большой процент евреев. В Житомире, а тем более в соседнем Бердичеве, в XIX веке евреи существенно преобладали в количественном составе населения.

«Интернационализм» царил и в семье Короленко: отец был украинцем, мать – полькой. Поэтому, находясь в такой полиэтнической среде, Володя ещё в раннем детстве познакомился с разнообразием культурных традиций Полесья и Волыни. Доминирующим было влияние украинского фактора.

Воспоминание о житомирском детстве писателя находим в «Истории моего современника». Описывая реакцию своих земляков на провозглашение Манифеста 19 февраля 1861 года об отмене крепостничества, Короленко вспоминает: *«В день торжества в центре города на площади квадратом были расставлены войска. С одной стороны блестел ряд медных пушек, а напротив выстроились «вольные» мужики. Они создавали впечатление хмурой покорности судьбе, а женщины, которых полиция оттесняла за шеренги солдат, временами то тяжело вздыхали, то начинали причитать. Когда после чтения какой-то бумаги прозвучали холостые выстрелы из пушек, в толпе послышались истерические крики, и случилось большое замешательство... Женщины подумали, что это начинают расстреливать мужиков...»*

1863-66 годы в жизни Владимира – Волынская губернская гимназия.

Кроме демонстрации довольно высоких результатов в учёбе, будущий классик, как свидетельствуют документы, был незаурядным хулиганом. В Государственном архиве Житомирской обла-

сти хранится список гимназистов, которых подвергали аресту(!) за дебоширство и прогулы уроков. Среди фамилий «героев» есть и Володя Короленко.

Не меньший интерес вызывает ещё один архивный документ – свидетельство, выданное Еве Короленко 22 мая 1869 года Волынским губернским предводителем дворянства. Свидетельство подтверждало дворянское происхождение её детей: Владимира, Иллариона, Юлиана, Евы и Марии.

Через 12 лет дворянин Владимир Короленко откажется присягать новому императору Александру III, поскольку предварительно сделал то, чего другие не делали: внимательно прочитал текст присяги. И нашёл там требование стать доносителем: докладывать... *«уведав о том, в ущерб его величества интереса, вrede и убытке»*.

Последовал арест; трудный путь в Восточную Сибирь; тюрьмы и, наконец, поселение в отдалённом районе Якутской области, в слободе Амге.

«Делай, что должно и пусть будет, что будет», – девиз, которому писатель следовал всю жизнь, никогда не оглядываясь на последствия. Потянулись долгие месяцы далёкой ссылки, но неиссякаемая энергия не покидала его и здесь. Пытливо изучал новоявленный арестант быт людей, записывал якутские песни и легенды и пытался писать сам.

Владимир Короленко начал свою литературную деятельность ещё в конце XIX века, но большой публикой не был замечен. Его первая повесть «Эпизоды из жизни искателя» появилась в журнале «Слово» в 1879 году. Сам автор, очень строгий к себе и вносящий в (им самим изданные) собрания своих произведений далеко не всё им написанное, не включил в них «Эпизоды...». А между тем, несмотря на большие художественные недочёты, эта повесть по-своему замечательна как историческое свидетельство нравственного подъёма, охватившего русскую молодёжь 70-х.

Герой рассказа – «искатель» – как-то органически, до мозга костей проникнут сознанием, что каждый человек должен себя посвятить общественному благу и ко всякому, кто заботится только о себе и думает о своём личном счастье, относится с нескрываемым презрением.

Интерес рассказа в том и заключается, что в нём нет ничего напускного: это не щеголянье альтруизмом, а глубокое настроение, проникающее человека насквозь. И в этом настроении – источник всей дальнейшей деятельности Короленко.

В 80-х годах выходят в свет рассказы, в основу которых легли впечатления сибирской жизни.

Их герои – бродяги, каторжники, «гуляющие люди»: «Убивец», «Сон Макара», «В дурном обществе». «Соколинец», «Черкес». Сибирская тема будет продолжена и в рассказах 90-х годов: «Ат-Даван», «Марусина заимка».

Но есть у каждого художника слова произведение, которое как в фокусе собирает специфические особенности его художественного метода.

Таким произведением для Короленко стала повесть «Слепой музыкант».

Начата в январе 1886 года.

Работа шла быстро, и когда первые главы были отосланы в «Русские ведомости», на полученный аванс была скромно отпразднована свадьба писателя.

В том же году повесть появилась в журнале «Русская мысль» (седьмой номер) в несколько изменённом варианте. Немногим позднее вышло первое отдельное издание. Вносил писатель исправления и значительные изменения в повесть и через 10 лет, уже для 6-го по счёту издания.

Появление «Слепого музыканта» стало, как вспоминают современники Короленко, *«настоящим триумфом для автора»*. Повесть вызвала огромный интерес не только благодаря совершенно необычной теме и талантливому умению подметить и донести до читателя нюансы психологии слепого, а главным образом, потому, что она была посвящена проблеме человеческого счастья.

Хотя сам Владимир Галактионович в 17-м году (через тридцать лет его повесть продолжала волновать общественность!) писал литературному критику Горнфельду: *«Моя главная художественная задача была не специально психология слепого, а психология общественной тоски по недостижимому и тоски по полноте существования»*.

О чём эта повесть? Об истории украинского народа, об его прошлом.

В центре – слепорождённый мальчик, для которого мир лишён красок и света, жизни и счастья.

Писатель удивительно проникновенно воспроизводит замкнутый мирок ощущений и звуков, намёков и догадок, в котором живёт его герой. Короленко ощущает и передает едва уловимые переживания, впечатления, чувства слепого, гармонию его души. Как и герои романтических произведений, слепой у Короленко человек необыкновенный, исключительный, выделяющийся из окружающей среды. Из ребёнка он превращается в мальчика, потом в юношу, меняются времена и события, а Пётр целиком погружён во мрак и горе.

Писатель переносит духовную драму слепого в конкретную историческую обстановку. Повесть приобретает вполне реальный, социальный смысл, когда конюх Иоахим поёт слепому Петрусью песню «Ой на, ой на гори...»:

«Это только одна мимолётная картина, всплывшая мгновенно в воспоминании украинца, как смутная грёза, как отрывок сна об историческом прошлом. Среди будничного и серого настоящего дня в его воображении встала вдруг эта картина, смутная, туманная, подёрнутая той особенною грустью, которая веет от исчезнувшей уже родной старины. Исчезнувшей, но ещё не бесследно! О ней говорят ещё высокие могилы-курганы, где лежат казацкие кости, где в полночь загораются огни, откуда слышатся по ночам тяжёлые стоны».

Согласитесь, даже в этих нескольких строках можно увидеть огромную любовь и преклонение писателя перед эпохой Казачины, с её искренними принципами чести, справедливости, отваги – это именно те качества, которых так часто не хватало украинскому обществу в «сером» XIX веке!

В этом же произведении Короленко рассказывает о посещении Петрусем вместе с дядей Максимом городка N, где была католическая чудотворная икона.

«...каждый год, ранней весной, в известный день небольшой городок оживлялся и становился неузнаваем. Старая церковка принаряжалась к своему празднику первою зеленью и первыми весенними цветами, над городом стоял радостный звон колокола, грохотали брочки панов, и богомольцы располагались густыми толпами по улицам, на площадях и даже далеко в поле. Здесь были не одни католики. Слава N-ской иконы гремела далеко, и к ней приходили также негодующие православные, преимущественно из городского класса».

Можно с уверенностью допустить, что прототипом города N стал соседний с Житомиром Бердичев, откуда ещё в XVII веке берёт начало традиция ежегодного паломничества к чудотворной иконе Божьей Матери в католическом монастыре босых кармелитов. В 1756 году икона была коронована по решению Папы Римского, и с тех пор она считалась покровительницей всей Украины. Слава об иконе сделала Бердичев одним из крупнейших в мире центров культа деви Марии.

Повторная коронация иконы (предыдущая икона, к великому сожалению, была похищена), состоявшаяся в 1854 году, стала невиданным для региона событием, собрав более 100 тысяч паломников (это при том, что население Бердичева тогда составляло 50 тысяч жителей, а губернской столицы Житомира – вдвое меньше).

Отзвук события продолжался ещё много лет, и, несомненно, о нём знал юный Володя Короленко. А возможно, что и посещал бердичевскую святыню вместе с матерью полькой-католичкой.

Так же дядя Максим раскрывает перед юношей всю глубину людских страданий, знакомит с людьми разных общественных положений – от слепых нищих бандуристов до богатых паничей, внушая ему, что личные несчастья ничтожны по сравнению со страданиями народа. *«Я хотел, чтобы ты почувствовал чужое горе и перестал носиться со своим»*, - с гневом говорит он юноше.

Повесть кончается описанием концерта, на котором музыкант потрясает сердца людей своим мужественным и сильным искусством. В музыке Петра властно звучала сама жизнь, во всей её полноте и многообразии. *«В ней слышалось живое дыхание родной природы, чувствовалась связь с народными мелодиями. Богатая красками, гибкая и певучая, она бежала звонкою струею, то поднимаясь торжественным гимном, то разливаясь задушевным, грустным напевом».*

Преодолев личное страдание, Пётр стремится выразить в музыке всю глубину общенародного горя. *«Он побеждал души этой толпы глубиной и ужасом жизненной правды...»* И, только слившись с надеждами и чаяниями своего народа, слепой сам достигает, наконец, счастья – счастья служения людям.

Инстинктивному, интуитивному стремлению слепого к свету и посвящены вот такие потрясающие страницы, которые вызвали профессиональные споры специалистов-психологов на тему о том, может ли слепой тосковать по тому, чего никогда не видел?

В 1885 году Короленко разрешено было поселиться в Нижнем Новгороде, и с тех пор всё чаще и чаще фигурирует в его рассказах верхневолжская жизнь. Романтического в этой жизни было крайне мало, зато было много беспомощности, горя и невежества – и это нашло своё отражение в новом цикле рассказов: «На солнечном затмении», «За иконой», «Река играет», в «Павловских очерках» и особенно в очерках, составивших целую книгу «В голодный год». «В голодный год» – это результат деятельности Владимира Галактионовича по устройству бесплатных столовых для голодающих в Нижегородской губернии.

Газетные статьи его об организации помощи голодающим в своё время дали ряд весьма важных практических указаний. Короленко стал своего рода «учреждением»; около него сгруппировались лучшие элементы края для культурной борьбы со злоупотреблениями всякого рода. К числу самых блестящих эпизодов нижегородского периода жизни принадлежит так называемое «Мултанское дело», когда, благодаря замечательной энергии Короленко и искусно поведённой защите, были спасены от каторги обвинявшиеся в ритуальном убийстве вотяки.

Годы, проведённые в провинции после сибирской ссылки, – это годы расцвета литературного творчества писателя, годы активной общественной деятельности, годы счастливой семейной жизни.

В 93-м он побывал в Америке на Всемирной выставке, а в 95-м написал рассказ «Без языка» о жизни новоиспечённого американца – украинского крестьянина-эмигранта. Написано блестяще и с чисто диккенсовским юмором.

С 1895 года же Владимир Галактионович – член редакции и официальный представитель «Русского Богатства» – народнического журнала, к которому он теперь примкнул окончательно и издаёт совместно с Николаем Михайловским. Раньше его произведения чаще всего печатались в «Русской Мысли».

В 1900 году Академия наук избрала его почётным академиком по разряду изящной словесности, но от этой должности Короленко отказался вместе с Чеховым в знак протеста против отмены выборов в Академию Горького.

В это же время появляются его уральские, крымские, румынские очерки: «У казаков», «В Крыму», «Наши на Дунае».

В течение последних шестнадцати лет Короленко работал над мемуарами «История моего современника»; опубликованы они уже в советское время, в 1922 году.

Литературно-критические взгляды писателя нашли отражение в его статьях и воспоминаниях о писателях: о Чернышевском, Глебе Успенском, Чехове, Льве Толстом.

Не все идеи Октября Владимир Галактионович смог принять. Живя в Полтаве в годы Гражданской войны и наблюдая, как она переходит из рук в руки, писатель выступал против грабежей и погромов, ходатайствовал за арестованных большевиков, но не находил оправдания и ответному революционному террору.

В последние годы у него прогрессирует болезнь сердца, но он трудится: основывал колонии для сирот и беспризорных, продолжал участвовать в помощи голодающим.

Смерть наступила от воспаления лёгких 25 февраля 1921 в Полтаве.

Крылатой фразой, лозунгом, зовущим в будущее, стали слова Короленко: «Человек создан для счастья, как птица для полёта...», в это он страстно верил, к этому он стремился, за это боролся, во имя этого работал...

7 сентября исполняется 85 лет со дня рождения прекрасного советского поэта-фронтовика Эдуарда Асадова. Эта страничка посвящена ему.

О. А. Стецюк
библиотекарь отдела комплектования,
обработки и организации книжного фонда

ВНУК РАХМЕТОВА

*Россия начиналась не с меча,
Она с косы и плуга начиналась.
Не потому, что кровь не горяча,
А потому, что русского плеча
Ни разу в жизни злоба не касалась...*

Эдуард Асадов

Стихи Асадова редко хвалили серьёзные литераторы.

Но если московская молодёжь 60-х кричала с трибун стихи Евтушенко, Вознесенского и Рождественского, если ленинградские интеллигенты тех же 60-х приглушённым шёпотом декламировали на кухнях Бродского, Рейна, Бобышева, то романтические барышни всей Страны Советов роняли слёзы над «Стихами о рыжей дворняге» – и почитали Асадова, как своего кумира.

Когда фронтовик пришёл в институт, на него смотрели с некоторым подозрением. Думали, что пришёл не потому, что есть творческое призвание поэта от рождения, а потому, что был ранен и поэтому решил заняться литературным трудом.

И вот так он – каждый день, каждый час – всем своим творчеством, работой, жизнью доказывал то, что это всё – его жизнь, его дорога, его призвание.

4 мая 1944 года в боях за Севастополь он был тяжело ранен.

В мирное время бывал в этом городе, как правило, каждый год. В День Победы, 9 мая, встречался с фронтовиками и в конце июля приезжал на праздник Военно-морского флота.

«Главное, почему езжу туда, – я дышу воздухом Севастополя.

В День Победы по главным улицам города шагают со знамёнами фронтовики. Идут дивизии, полки, батальоны, хотя в дивизии и осталось всего-то двадцать человек, а в полку, может быть, десять. Но торжественность марша от этого ничуть не снижается. Жители города стоят шпалерами с двух сторон, фронтовиков забрасывают цветами. Детей протягивают. Кажется, что Севастополь освободили не много лет назад, а только вчера. На главной площади города – площади Нахимова – проходит митинг. Затем наступает минута молчания. Такого не бывает нигде: все фронтовики, все жители города и его гости под торжественные звуки музыки опускаются на одно колено. Потом в 12 часов ночи фронтовики поднимаются на Сапун-гору, стоят у Вечного огня и в память о погибших друзьях выпивают боевые 100 грамм...

Я горд тем, что по ходатайству жителей горсовет присвоил мне звание «Почётный гражданин города-героя Севастополя». Кстати, на Сапун-горе есть музей «Защита и освобождение Севастополя», в нём – стенд, посвящённый мне и моему творчеству».

Когда – 60 лет назад – в литературном институте имени М. Горького был объявлен конкурс на лучшее стихотворение, – в нём участвовали все лучшие студенты-поэты того времени – и Фёдоров, и Ваншенкин, и Кобзев, и Солоухин, и Гамзатов...

Комиссия была очень суровой. Входили в неё – Казин, Луговской, Голодный. Во главе – Антокольский.

И вот первое место получил Эдуард Асадов.

«Это было для меня очень важное событие – оказаться не только достойным учиться в институте, а первым среди всех!»

Вторая премия досталась тогда Владимиру Солоухину, третья – Константину Ваншенкину.

«Первым поэтом, который вдохнул в меня веру в себя, был, как ни странно, детский писатель Корней Иванович Чуковский. Когда я лежал в госпитале, мне было важно узнать, стоят мои стихи чего-нибудь или не стоят... И я написал ему письмо и послал тетрасточку своих стихов, из госпиталя, лёжа на госпитальной койке ещё, между операциями. И он, спасибо ему, прислал мне ответ, в котором написал, что, мол, дорогой Эдуард Аркадьевич (мне так было смешно: какой я Эдуард Аркадьевич, когда мне было 20 лет? ещё мальчишка был), я прочёл ваши стихи, я никогда не лгал в оценке произведений, не буду лгать и сейчас. И дальше он мои стихи разносит буквально в щепки. Всё разнёс в пух и прах.

Но в конце была приписка, такая концовка: «И всё-таки, несмотря на всё сказанное выше, я с полной ответственностью хочу вам сказать, что вы – истинный поэт, ибо у вас есть то поэтическое дыхание, которое присуще только поэту. Желаю успехов. Корней Чуковский».

Эта приписка, она совершенно окрасила жизнь в другой цвет и свет. Конечно, это мне было очень дорого и важно. С этим напутствием я и пошёл дальше».

А ещё помогал (когда Эдуард поступил в Литературный институт в 1946 году, кстати – окончил с отличием!) – «Чуковский передал меня с рук на руки» – Алексей Александрович Сурков. Тогда – главный редактор журнала «Огонёк». Он был первым, кто решился вынести на суд публики два асадовских стихотворения.

Что чувствовал тогда, в 48-м году, начинающий поэт, сжимая в руках этот нарядный майский номер журнала? Мимо шли колонны демонстрантов – с плакатами, с музыкой, с оркестрами... А для него, наверное, тогда в мире существовали только эти, набранные типографским шрифтом строчки! И в таком замечательном журнале! Их прочитает вся страна! Вот оно, счастье!

Начиналась уже своя, зрелая профессиональная литературная жизнь.

«Институт окончил в 1951 году. Это был урожайный для меня год. В этом году вышла первая книга моих стихов «Светлые дороги», и я был принят в члены партии и в члены Союза писателей».

Эдуард Аркадьевич Асадов родился 7 сентября 1923 года в городе Мары Туркменской ССР в армянской семье.

Его родители были учителями.

Отец маленького Эдика в Гражданскую воевал с дашнаками на Кавказе. Был политруком роты.

В первые детские впечатления будущего поэта навсегда вошли узкие пыльные улочки среднеазиатского городка, пёстрые шумные базары и стан голубей над плоскими раскаленными белесыми крышами. И ещё, как вспоминает Асадов, очень много золотисто-оранжевого цвета: солнце, пески, фрукты. Как на картинах Мартироса Сарьяна.

В пятилетнем возрасте Эдик узнал первую цену людскому горю – умер папа. Мама решила вернуться на свою родину – в Свердловск.

Сам поэт считает, что является как бы наследником своего свердловского деда, врача по профессии, Ованеса Калустовича Курдова.

«Мой дедушка был – я его в шутку называл историческим дедушкой – два года секретарём Николая Гавриловича Чернышевского. Когда Чернышевский вернулся из виллюйской ссылки в Астрахань и ему нужна была помощь секретаря, ему порекомендовали моего дедушку, который тогда ещё был совсем юношей. Он был влюблён в Чернышевского, восхищался его мыслями, взглядами...

Мой дедушка всегда был очень строг, суров, он никогда не позволял никому приносить себе никаких подношений, никогда не лгал, никогда не повышал голоса, всё делал только для работы, для дела. Не признавал рукопожатий. Короче говоря, это был очень волевой человек, человек без недостатков, с которым было даже страшновато: он всё делал правильно...

Я думаю, что когда-то в юности он влюбился в образ Рахметова и не заметил, как этот образ стал его собственным. Он с годами как бы перевоплотился в этот образ. И всю жизнь, не подражая специально, был по взглядам, мыслям, характеру, поведению – живой Рахметов. И он мне много дал в смысле характера...

Мой дед был знаком не только с Чернышевским, он ещё был знаком с Володиёвым Ульяновым. Он с ним встретился в Казани, в университете. Вместе они там занимались организацией нелегальных студенческих библиотек. У дедушки была интересная судьба. Он научил меня быть правдивым, порядочным, честным и т.д. Это всё потом мне в жизни понадобилось».

В Свердловске мама с сыном – оба пошли в первый класс. Только она учительницей, а он учеником. Здесь, на Урале, прошло детство – повязал красный галстук, придумал первые рифмы, пришёл в драмстудию Дворца пионеров. Здесь был принят в комсомол.

«Всё, - улыбается поэт, - началось с детства – стихи стал писать с восьми лет».

А в пятнадцатилетнем возрасте Эдик попал в столицу. После спокойного и деловитого Свердловска Москва казалась шумной, яркой, торопливой. Асадов рассказывает, что с головой ушёл в стихи, споры, кружки. Колебался, куда подавать заявление: в Литературный или Театральный?..

Но жизнь продиктовала совсем иное заявление. Выпускной бал в 38-й московской школе был 14 июня 1941 года, а через неделю призыв: «Комсомольцы – на фронт!» И комсомолец Эдуард Асадов пошёл с заявлением в райком комсомола. В райком пришёл вечером, а утром был уже в воинском эшелоне.

Сначала были бои под Ленинградом. Рядовой Асадов – наводчик «катюши». Потом – офицер, командир батареи на Северо-Кавказском и 4-м Украинском фронтах. Воевал неплохо, мечтал о победе. А в перерывах между боями писал стихи. В битве за освобождение Севастополя – ранение... Серьёзные проблемы со зрением...

Вот так в 20 лет комсомолец Асадов стал инвалидом.

Есть у него стихотворение «Я поэт сугубо комсомольский». Что думает поэт по поводу коммунистического союза молодёжи?

«Комсомол был прекраснейшей организацией. В основе... идея – объединить молодёжные силы для каких-то высоких идеалов. Когда, например, я получил комсомольский билет, в 1938 году, я летел домой просто как на крыльях – счастливый-счастливый. Но, к сожалению, комсомол потом превратили в какую-то бюрократическую организацию, лишённую своих возможностей и прав. Она была просто придатком к партии, и это было очень горько и очень грустно, потому что, по идее, она должна была быть самостоятельной молодёжной организацией, которая борется за справедливость, за совесть, занимается культурой, спортом и т. д.... И, смотрите, комсомола сейчас нет, но и на его месте ничего нет, никакой альтернативы».

А вот это мысли о коммунизме.

«У нас говорили, что мы идём к вершинам коммунизма. Я не верю в коммунизм. Вот идея социализма мне понятна: «от каждого по способности – каждому по труду». А «от каждого по способности – каждому по потребности» – этого я понять не в состоянии. Как это может быть?... Вот у нас сейчас эти так называемые новые русские... Что, они по труду получают, что ли? Чёрта с два. Эти огромные капиталы честным трудом нажить нельзя. Я знаю, что честный человек может заработать столько, сколько может заработать человек. Миллиарды долларов – это можно заработать по способности?»

Его окружала огромная читательская любовь. Тяжело ли нести такую ношу?

Очень трудно. Трудно, потому что часто встречаешься не только с горячей человеческой благодарностью, но и со злобой.

«Когда ко мне пришёл успех, я даже боялся брать газету в руки. Ведь ни одного поэта так не ругали в прессе, как меня. Злые критики зубы обломали о мои книги. Не могли простить моего успеха».

Асадов рассказывает, как однажды впервые приехал в Ленинград выступать в зале академической капеллы. Каждое стихотворение заставляли читать по два раза!

Пришла туда и одна его приятельница Майя Пантелеева из редакции газеты «Смена».

«-Что творится в зале, как тебя встречают! Но готовься, завтра о тебе будет ужасно злобная статья.»

- Как? Вечер ещё только идёт!

- Её уже написали...

И действительно, наутро – грубая, злая, оскорбительная статья».

Эдуард Аркадьевич утверждает, что чем больше друзей, тем больше врагов. Так устроен мир. И утверждает, что если бы не было его горячих сторонников, то не сумел бы он победить в этой битве со злом. Его всегда поддерживали читатели – его настоящие друзья.

Он часто вспоминал, что когда учился в Литературном институте, появились друзья-литераторы. *«Но вот какая штука произошла: пока всё было благополучно – были товарищи, были друзья».*

Но вот случилась беда, большое горе – ушла из жизни жена Галина Валентиновна Разумовская – они прожили с Эдуардом 36 лет.

Литературные друзья отделялись общими словами, выражали соболезнования, говорили «не падай духом» – и всё, исчезали. А на первый план выдвинулись совсем другие люди – военные, от которых этого никто и не ждал.

«Как-то так получилось, что всегда ко мне приходили на выручку, на помощь генералы. Ну, генерал – тоже вчерашний солдат».

Когда мне встречается в людях дурное,

То долгое время я верить стараюсь,

Что это скорее всего напускное,

Что это случайность. И я ошибаюсь.

Возможно, Асадов не совсем верно расценивал поведение своих друзей, возможно, люди просто не хотели лезть в душу? Но он считал так.

Его стихи – это лирика. И стихи и о войне, и о женщине, и о животных, и гражданские стихи. Темы разные, а атмосфера романтическая остаётся всегда.

Атмосфера любви.

Собственно, за это его и ругали.

У него есть стихотворение «Когда порой влюбляется поэт...».

Так что же бывает, когда поэт влюбляется?

Когда порой влюбляется поэт,

он в рамки общих мерок не вмещается.

Не потому что он избранник – нет.

А потому что в золото и свет

душа его тогда переплавляется.

Это одно из программных стихотворений.

Что отвечал Асадов?

«Поэт всегда влюблён. В жизнь, в женщину, в красоту...»

Именно любовь поставила меня на ноги после моего тяжелейшего ранения. И женская любовь, и любовь к родине. Когда я уходил на фронт, мне было всего 17 лет... А когда был ранен, меня приходили навещать знакомые девушки. Их тёплое отношение, их сердечность помогли мне утвердиться в том, что меня ещё можно любить, что я ещё чего-то стою. Вы не поверите, мне предложили руку и сердце сразу шесть девушек.

...Одну выбрал. Правда, не безошибочно. Но это другой разговор. Потом, когда уже учился в институте, когда писал стихи, именно отношение ко мне моих читательниц тоже утверждало меня в жизни. Это помогало чувствовать себя не раненым, не хуже других, а даже где-то лучше.

Женское тепло, женская любовь... я получал письма и от мужчин, и от женщин, но именно женская любовь помогла мне удержаться на этой земле...

Та избранница стала моей женой. А потом выяснилось, что с её стороны это было скорее не любовь, а увлечение. Уже спустя много лет я встретил свою настоящую жену...

У меня много стихов, ей посвящённых. Они опубликованы в моей последней книге. Там есть и стихи, написанные после её смерти...

А вот лирическая повесть «Галина» посвящена не ей. Я написал эту поэму задолго до знакомства с Галиной Валентиновной – в 1958 году. Выходит, я предугадал встречу».

Он очень любил собак. Считал, что собака не продаст, не предаст, не выдаст. Был у него пёс Барон. Асадов даже посвятил ему стихотворение «Вечер».

*Лишь большая собака, мой преданный пёс,
делит вечер и скуку со мной на двоих...
Ты, Барон, не сердись, что дремать не даю.
Мы остались вдвоём...*

Независимо от того – животное это или человек – надо иметь дело с надёжными существами...

«Это качество, надёжность, я высочайше чту в людях. Это родная сестра верности. И антипод предательства. Должна быть надёжность и в любви, и в дружбе».

Иногда очень длительным и мучительным бывает процесс рождения нового стиха. Как угадать, что получилось, а что нет? Например, стихотворение «Падает снег».

*Падает снег, падает снег –
тысячи белых ежат...
А по дороге идёт человек,
и губы его дрожат.*

Так вот, Асадов его, это стихотворение, давно написал, много раз напечатал. А в последней своей книжке добавил ещё две строчки.

*И пусть твоя дружеская рука
в том горе поможет наверняка.*

Добавил те завершающие строчки, которых не хватало.
А не хватало – всё той же надёжности!

«Так что иногда во мне долго происходит внутренняя творческая работа, и только потом я ставлю окончательную точку...»

Я каждую стихотворную строку долго вынашиваю, как мать вынашивает дитя... Потом наговариваю строчки на магнитофон, правлю, редактирую. Словом, переделываю, переделываю. Потом сажусь за машинку – я сам печатаю на машинке, причём со скоростью средней машинистки...»

За последние годы вышли однотомник «Не надо сдаваться, люди», двухтомник «А любить мы всё-таки будем!», поэтический роман «Не смейте бить человека».

Асадов удачно сотрудничал с издательствами «Русская книга», «Русич», «Славянский диалог».

«Всего пока у меня выпущено одиннадцать поэтических сборников. Темы для стихов беру из жизни. Много езжу по стране. Бываю на заводах, фабриках, в институтах. Без людей жить не могу. И высшей задачей своей почитаю служение людям, то есть тем, для кого живу, дышу и работаю».

Эдуард Аркадьевич много переводил стихи поэтов Востока. Есть у него и поэмы – в том числе автобиографическая «Снова в строй». Писал и прозу – эссе, рассказы, повести: «Зарницы войны», «Разведчица Саша», «Фронтная весна», «Гоголевский бульвар».

В разное время работал литконсультантом в «Литературной газете», журналах «Огонёк» и «Молодая гвардия», в издательстве «Молодая гвардия».

У него довольно обширный наградной список – своего рода иконостас: ордена «Отечественной войны» I степени, «Красной Звезды», «Дружбы народов», два ордена «Знак Почёта», «За заслуги перед Отечеством» IV степени; медали «За оборону Ленинграда», «За оборону Севастополя», «За победу над Германией».

А вот самой последней (хотя уж очень долго она искала героя!) оказалась вот такая награда.

Указом Президиума Съезда народных депутатов от 18 ноября 1998 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая звезда».

«Мне её (награду) вручили к 75-летию. Это звание, которым я очень дорожу, присвоено благодаря усилиям командующего артиллерией 2-й гвардейской армии генерал-лейтенанта Ивана Семёновича Стрельбицкого.

Я его называю своим фронтовым батькой: он видел меня в бою, видел меня в делах. Иван Семёнович даже написал книгу обо мне, о моём детстве, о моей юности, о войне, о моих стихах – «Ради вас, люди». Когда книга вышла из печати в 1979 году, Стрельбицкий вскоре умер. Но дело его не погибло. И награда, пусть только сейчас, всё-таки меня нашла».

Последние годы Эдуард Аркадьевич Асадов жил в подмосковном городе Одинцово.

Умер он в 2004 году, 21 апреля.

Похоронен в Москве, на Кунцевском кладбище.

Согласно последней воле поэта, сердце успокоилось в Севастополе на Сапун-горе.

Эдуард Асадов – любимый автор миллионов и миллионов читателей. Он человек редкой судьбы, редкого мужества и исключительной силы воли. Вся его жизнь – это борьба. Борьба со всяческим злом на земле. Борьба со слепотой. В годы Великой Отечественной войны – борьба с фашизмом. Война не на жизнь, а на смерть. В послевоенные годы – беспощадная борьба с подлостью, ложью, лицемерием, трусостью. Борьба за любовь, за чистоту человеческих отношений, борьба за радость, за счастье человека на земле.

А оружие его – поэзия.

Он по натуре своей всегда был романтиком.

В стихотворении «Дорожите счастьем, дорожите!..» написал, что надо уметь увидеть в малом – большое, в обычном – необычное.

*Красоту увидеть в некрасивом,
разглядеть в ручьях разливы рек!
Кто умеет в буднях быть счастливым,
тот и впрямь счастливый человек!*

И сам он жил по этому принципу. Его стихотворение «Когда мне встречается в людях дурное» заканчивается так:

*И всё же, и всё же я верить не брошу,
что надо в начале любого пути
с хорошей, с хорошей и только с хорошей,
с доверчивой меркою к людям идти!*

23 сентября мировое сообщество будет отмечать 115-летие со дня рождения выдающегося учёного Алексея Лосева – уроженца Новочеркасска.

*Е. И. Соколова,
зав. сектором тифлоизданий*

ПОСЛЕДНИЙ РУССКИЙ ФИЛОСОФ

*... Что такое жизнь,
никто не знает, хотя все живут.*

*... Человек – вечная проблема,
которая вечно решается.*

*... Вся история человечества
есть не что иное,
как движение к свободе.*

Из высказываний А. Ф. Лосева

Жизнь Алексея Фёдоровича Лосева охватывает, собственно, всё двадцатое столетие: родился в 1893 году, умер в 1988.

Почти век отпустила судьба этому удивительному человеку.

Он осиротел в раннем детстве и воспитывался в семьях родственников. С золотой медалью окончил гимназию, а затем и университет. Преподавал в гимназиях, в советской трудовой школе, в университетах.

В 30-летнем возрасте он станет профессором.

С любовью и настойчивостью изучал Алексей Лосев многие точные и гуманитарные науки...

Уже в молодости выделялся особым изяществом и духовностью...

Испытывал страсть к музыке, театру, церковному пению, эстетике, этике...

Проявлял необычайно высокий дар переводчика: знал греческий, латинский, немецкий, французский, английский, итальянский, польский, чешский и другие языки...

Изучал психологию, физиогномику, проблемы добра и зла, красоты и любви...

С раннего возраста ему была доступна сложнейшая философская и церковная литература.

Всякого, кто знакомится с уникальной личностью Лосева, привлекают его острая проницательность и ум, редкая память. Потрясают нечеловеческая способность преодолевать трудности и идти на риск; присутствие духа при действиях в крайне трудных и даже опасных ситуациях; исключительная работоспособность и редчайшая эрудиция.

Вызывают глубочайшее уважение и восторг непоколебимая религиозная убежденность, воспитанная с детства (качество, в один миг утерянное многими нашими учёными и политиками), и неистребимая вера во Всевышнего. И это было в годы, когда интерес к философии, особенно религиозной, в обществе вообще исчез. Как не раз заявлял Лосев, в тяжёлой, «архитрудной» жизни его всегда спасали наука и вера.

Его работы оказали заметное влияние на современных мыслителей.

Сегодня в списке трудов Алексея Фёдоровича более 700 наименований, из них – 40 монографий. Издаются они огромными тиражами.

Можно не сомневаться, что в XXI веке его имя займёт достойное место в истории науки.

Судьба оказалась крайне жестокой к нему. И крайне несправедливой.

Тюрьма.

Лагерь.

Ранняя слепота – свои труды по памяти диктовал жене.

Бесконечная угроза безработицы.

Предательство друзей.

23-летний запрет на публикации (и это в период расцвета таланта учёного!).

А ещё – пожар – ни дома, ни книг, ни рукописей...

Получается, что как учёный и православный человек, он разделил с Родиной многие её беды.

До 60-х годов прошлого века его мало кто знал.

А широкую известность Алексей Лосев получил, когда ему было уже 70 лет.

То, что один из лучших в мире знатоков Древней Греции никогда, как выяснилось, в Греции не был (и вообще за границу выезжал лишь однажды, в Германию, до I мировой войны) – факт настолько ненормальный, насколько, в то же время, обыденный для России. Пушкин ведь тоже был «невыездным».

Русский философ после русской революции мог либо эмигрировать, либо остаться здесь и погибнуть. По крайней мере, как философ.

Когда в 1922 году ведущих учёных выставили из страны (погрузив на корабль в приказном порядке), Лосев был ещё недостаточно известен, чтобы отправиться в то же плаванье. А когда он – благодаря несовершенствам ещё не стабилизировавшегося режима – уже прославился своими печатными трудами, «корабли» поплыли в другом направлении.

Сам же Алексей Фёдорович с большой похвалой отзывался о первом десятилетии нового века, словно оно не было расколото надвое непоправимо и навсегда – он так горел тогда философией, так увлёкся, что, казалось, не то чтобы не заметил, – не придал должного значения...

Впрочем, не так. Судя по работе об Александре Скрябине, Лосев связывал с революцией надежды на избавление мира от власти мещанства, ему в этом смысле были близки все антимещанские бунты символизма. Он ждал от революции очищения.

Он прожил долго и оказался действительно последним русским философом, который не утратил мифа о несокрушимости сталинской системы.

Одиннадцать наук претендуют на то, чтобы считать его полностью своим: искусствоведение (включая музыковедение), история, математика, психология, филология (включая литературоведение и лингвистику), философия (включая эстетику и этику).

Сам Алексей Фёдорович мог с полным правом писать в «Истории эстетических учений», что он не чувствует себя *«ни идеалистом, ни материалистом, ни платоником, ни кантианцем, ни гуссерлианцем, ни рационалистом, ни мистиком, ни голым диалектиком, ни метафизиком... Если уж обязательно нужен какой-то ярлык и вывеска, то я, - заключает он, - к сожалению, могу сказать только одно: я – Лосев».*

Всякий, кто знакомится с трудами Лосева, будет поражён разнообразием его научных интересов, как будто совсем несовместимых друг с другом. Однако при ближайшем рассмотрении не только книг русского мыслителя, но и его биографии можно убедиться в удивительной целостности и целеустремленности его долгого творческого и жизненного пути.

В маленькой статье трудно обрисовать всё величие этого уникального человека, поэтому остановимся лишь на основных моментах его необыкновенной биографии.

Алексей Лосев родился 23 сентября 1893 года в Новочеркасске (тогда – столице Области Всеволодского Войска Донского). Отец был учителем математики и почитателем музыки – скрипачом-виртуозом. Мать – дочь священника.

Случилось так, что, когда сыну было всего три месяца от роду, папа семью оставил. Воспитанием маленького Алёши занималась мама. А от отца (по наследству) осталась и – досталась – «всевеликая» страсть к музыке и, как он сам признавался, «разгул и размах идей», «вечное искательство и наслаждение свободой мысли».

А от матери – строгое православие и строгие нравственные устои жизни.

Мама с сыном жили в собственном доме. Но в 1911 году, после окончания классической гимназии, дом пришлось продать – нужны были деньги для обучения в Московском Императорском Университете.

Кстати, Алексей Фёдорович очень любил родную гимназию, называя её «кормилицей», и часто вспоминал ту новочеркасскую пору...

Университет он окончил по двум отделениям историко-филологического факультета: философии и классической филологии. Плюс к тому получил профессиональное музыкальное образование (школа итальянского скрипача Стаджи) и серьёзную подготовку в области психологии.

Со студенческих лет он – сотрудник Психологического Института, который основал и которым руководил талантливый учёный профессор Георгий Челпанов. Руководитель сразу понял, что этот вчерашний школяр – его единомышленник. Челпанов рекомендовал студента Лосева в члены Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьёва. А там на «студийные посиделки» собирались звучные имена: Вячеслав Иванов, Сергей Булгаков, Иван Ильин, Семён Франк, Евгений Трубецкой, Павел Флоренский. И 23-летнего Алексея принимали на равных.

Тогда же он начал печататься.

Оставленный при Университете для подготовки к профессорскому званию, Алексей Лосев одновременно преподавал в московских гимназиях древние языки и русскую литературу, а в трудные революционные годы ездил читать лекции в только что открытый Нижегородский Университет. Там его и избрали по конкурсу профессором.

И в 1923 году Лосева утвердил в звании профессора уже в Москве Государственный Учёный Совет.

Всё это время Алексей Фёдорович был действительным членом Государственной Академии Художественных наук, профессором Государственного Института музыкальной науки и профессором Московской консерватории.

В Новочеркасск (где, после Гражданской, никого из близких не осталось) Алексей уже никогда не возвращался. Но о городе своей юности с теплотой отзывался до конца дней.

В 1917 году молодой учёный знакомится с Валенькой – Валентиной Михайловной Соколовой. Эта девушка получила достаточно высокое образование – была математиком и астрономом.

Окружающие считали их странной парой.

Но жених утверждал: *«Только любящие видят друг в друге самое важное, самое существенное, что неведомо другим, не любящим».*

Через 5 лет «странная пара» обвенчается в Сергиевом Посаде. Обряд совершит священник Павел Флоренский. Брак – чисто духовный. Отношения такого рода были модны в начале века у символистов – Александр Блок и Любовь Менделеева, Андрей Белый и Ася Тургенева....

32 года прожили Алёша и Валюша в «нездешней» любви. Как говорил Вячеслав Иванов, это были «две руки единого креста».

Именно Валентине Соколовой мы обязаны публикацией первых книг Лосева.

В 1922 году Лосеву запретили заниматься философией.

Но...

Непослушного профессора власти сломить не смогли.

В последующие восемь лет он умудряется (просто фантастика!) выпустить восемь томов по философии, диалектике и логике. Знаменитое так называемое «восьмикнижие». Это были: «Античный космос и современная наука», «Философия имени», «Диалектика художественной формы», «Музыка как предмет логики», «Диалектика числа у Плотина», «Критика платонизма у Аристотеля», «Очерки античного символизма и мифологии», «Диалектика мифа».

В 1929 году чета Лосевых тайно постригается в монахи. Именно тогда на голове Алексея Фёдоровича появляется чёрная шапочка – символ скуфьи.

Через год после пострижения Лосева арестовали. Полтора года тюрьмы за последнюю книгу «Диалектика мифа» (раздражало слово «миф»? или, может быть, предыдущие работы просто не читали?).

После ареста развернулась массивная антилосевская кампания. Каганович на XVI съезде партии назвал автора реакционером, черносотенцем и мракобесом.

Газетно-партийная травля была направлена прежде всего против религиозно-философской позиции. Гнилая «творческая интеллигенция» призывала к расправе. Драматург Владимир Киршон выкрикивал: «За такие мысли надо ставить к стенке!» В 38-м к стенке поставят самого Киршона...

На допросах даже близкие друзья стремились свалить всё, что можно и что нельзя, на Алексея Фёдоровича. (Нелепостей и несостыковок в деле Лосева – не перечесать.)

И только Валентина Михайловна брала вину на себя.

В застенки отправили и её.

Приговор после суда над русским учёным – 10 лет лагерей.

На – уже отбывшего 18 месяцев заключения во внутренней тюрьме Лубянки (4 месяца в одиночке) и уже таскающего на стройке Беломорско-Балтийского канала леса – Лосева обрушился Максим Горький. Статья «О борьбе с природой».

Вот выдержки из некоторых лагерных писем мужа к жене.

...«Хочется умереть вместе с тобой. А любовь вечность».

...«Я задыхаюсь от невозможности выразиться и высказаться, этим и объясняются контрабандные вставки в мои сочинения после цензуры. Я знал, что это опасно, но желание выразить себя, свою расцветающую индивидуальность для философа и писателя превозмогает всякие соображения опасности».

И ещё: «Я только подошёл к большим философским работам, по отношению к которым всё, что я написал, только предисловие».

Разумом понимая всю абсурдность богоборчества, он становится богоборцем: «...Душа моя полна дикого протеста и раздражения против высших сил, как бы разум ни говорил, что всякий ропот и бунт против Бога бессмыслен и нелеп. Кто я? Профессор? Советский профессор, которого отвергли сами Советы! Учёный? Никем не признанный и гонимый не меньше шпаны и бандитов! Арестант? Но какая же сволочь имеет право считать меня арестантом, меня, русского философа! Кто я и что я такое?»

Глубочайшее отчаяние перемежается с горькой иронией, «возвышенный» страх смерти переплетается с «подлым» страхом умереть «под забором»: «И когда я околею на своём сторожевом посту, на морозе и холоде, под забором своих деревянных складов (по состоянию здоровья Лосев был переведён в лагере на должность сторожа дров), и придёт насильно пригнанная шпана (другой никто не идёт) поднять с материциной мой труп, чтобы сбросить его в случайную яму (так как нет охотников рыть на мёрзлой земле нормальную могилу), – вот тогда-то и совершится подлинное окончание моих философских воздыханий и стремлений, и будет достигнута достойная и красивая цель нашей с тобой дружбы и любви».

А по ночам он в уме складывал книги. Полуслепой заключённый продолжал научную работу и учился сам – изучил теорию комплексного переменного, дифференциального и интегрального исчисления, обдумывал диалектику математического анализа (в этом ему помогали заключённые-математики).

«Не могу жить без мысли и без умственного творчества. Это мой путь, моё послушание и призвание», - говорил он друзьям по лагерю.

Титаническими усилиями Алексей Фёдорович сумел добиться неслыханной льготы – в Белбалтлаге он оказался вместе со своей супругой. Им позволили поселиться в одном доме, на Медвежьей горе. Это деревянный дом стоит и поныне.

Лосевы перенесли трудную лагерную жизнь безропотно, верили, что «не даётся тяжести не по силам».

Сфабрикованное, к тому же, бездарно сфабрикованное, дело потерпело в конечном счёте крах. В 33-м Лосевых освободили. По официальному распоряжению – «в связи с завершением стройки канала». Власть, естественно, не собиралась просто признать свою некомпетентность и подлость.

И, хотя ставший инвалидом на лесоразработках, но Алексей Фёдорович вышел из лагеря с восстановлением гражданских прав и даже с разрешением вернуться в Москву. (Помогла Екатерина Пешкова, жена Горького. Тогда она была главой Политического Красного Креста и, видимо, пыталась загладить вину супруга. А через год не станет и Горького. Утверждают, что отравили...)

Разрешить-то разрешили, но в ЦК ВКП(б) бдительно следили за вернувшимся философом. Ему наложили запрет на работу по прямой специальности, позволив заниматься только античной эстетикой и мифологией. Все 30-е годы Алексей Фёдорович переводил Платона, Аристотеля, Секста Эмпирика, Плотина, Прокла, Николая Кузанского, зарубежных мифографов и философов, а также знаменитый Ареопагитский корпус.

Вот тут-то на пути тайного монаха и известного философа встретила гениальная пианистка Мария Юдина и – запылал великий психологический роман.

Для Лосева это был как бы брак между музыкой и философией.

Привыкшая же к безоговорочному поклонению (к тому же, ничего не зная о схеме нового поклонника), Юдина воспринимала их отношения по-своему.

В результате на свет появился один из лучших русских романов того времени «Женщина-мыслитель». В главной героине пианистка узнала себя, и отношения с философом были навсегда прерваны.

В начале войны Лосевы пережили новую катастрофу – гибель дома от немецкой фугасной бомбы, полное разорение, смерть близких. Жить пришлось начинать сначала ещё раз.

Уничтожение библиотеки и разрушение «духовного брака» воспринимается философом как *«изнасилование нашей жизни, изгнание во тьму и безумие, ограбление и святотатство великого храма»*.

Пришлось снова всё вспоминать и восстанавливать (первый раз Лосев это проделал, выйдя из лагеря). И всё-таки Алексей Фёдорович не потерял присутствия духа и работал, не жалея сил.

Появилась надежда на деятельность по специальности – даже пригласили на философский факультет МГУ имени Ломоносова. Но успехи гения вызвали скрытую зависть даже у некоторых старых друзей, не говоря уже о бездарных академиках. Читавшего лекции и руководившего гегелевским семинаром Лосева выгнали из Московского университета по доносу.

Он оказался почти в полной изоляции. Для бывшего арестанта штатного места в столичных вузах не нашлось. Пришлось ездить по стране и за почасовую оплату читать лекции, принимать экзамены.

Всё это стоило многих сил, здоровья и нервов. Лосев серьёзно заболел, прогрессировала слепота.

И всё-таки, время не стоит на месте.

В 1943 году Алексею Фёдоровичу присудили степень доктора филологических наук – классическая филология оказалась спасительной. Но за «идеализм» дорога в МГУ Лосеву была закрыта. Оставить без работы власти не решились и перевели в Московский пединститут на открывшееся там классическое отделение. И опять он мешал как конкурент заведующему кафедрой. Правда, через несколько лет отделение закрыли; и Лосев оказался сначала на кафедре русского языка, а затем на кафедре общего языкознания, где и преподавал аспирантам древние языки. Там он проработал до последних своих дней.

С 30-го по 53-й год ему не дали выпустить ни одной книги (многое вообще было только в голове – он опасался делать даже намётки, дабы снова не уничтожили при обыске...).

Вышел только перевод Николая Кузанского – издательства боялись печатать рукописи Лосева по античной эстетике и мифологии, обставляя их отрицательными рецензиями, обвиняя в антимарксизме – что, собственно, граничило с антисоветчиной и грозило новым арестом.

Лосев пророчил себе, что, видимо, уйдёт из мира одинокий, осмеянный и непризнанный.

Судьба не дала сбыться его пророчествам.

Смерть Сталина... Неизмеримое горе для всей страны.

И – позднее – радость, возможно, тоже для всей...

С 53-го, его книги стали выходить массовыми тиражами. К 60-м годам он был признан классиком философии XX века. Жизнь всё больше утверждала за ним особое место в русской духовности.

А через год – новое несчастье. Умирает Валентина Михайловна.

До этого печального события в семье Лосевых долгое время жила восточная девочка, талантливая ученица Лосева. Азинька – Аза Алибековна Тахо-Годи. И она становится женою своего горячо любимого профессора. Ей – 23 года.

С 63-го по 94-й год публикуется новое лосевское «восьмикнижие» – «История античной эстетики» в 8 томах и 10 книгах (том восьмой в двух частях, готовый ещё в 1985 году, вышел только через 10 лет, уже после смерти автора). Этот труд явился подлинной историей античной философии, которая вся, по определению Лосева, «выразительна, а значит, эстетична». Более того, этот труд даёт нам картину античной культуры в единении её духовных и материальных ценностей.

На склоне лет Алексей Фёдорович смог вернуться к любимой ещё с 20-х годов проблематике. Впервые за советское время вышло собрание сочинений Платона под редакцией Алексея Лосева и Валентина Асмуса, со статьями Алексея Лосева и комментариями Азы Тахо-Годи. Наконец, профессор Лосев официально вернулся в философию, сотрудничая в редакции пятитомной Философской энциклопедии – ему принадлежат 100 статей, иные из которых представляют большие глубокие исследования. Выпустил он (тоже впервые в русской науке) «Античную музыкальную эстетику», не говоря уже о серьёзных и объективных статьях, посвящённых Рихарду Вагнеру, о котором в СССР вообще не принято было говорить.

В 83-м вышла книга «Знак. Символ. Миф». А семью годами ранее появилось издание «Проблема символа и реалистического искусства». Именно Лосев впервые за советское время заговорил о символе – о предмете, долгие годы закрытом для исследователей и читателей, и заговорил положительно, вопреки ленинской критике! (Кстати, именно лосевскую концепцию приводит специалист по религиозной символике Роберт Лэнгдон в нашумевшем «Коде да Винчи»...)

Хотя тоже не всё шло гладко.

Впервые поднял Алексей Фёдорович и ряд наболевших вопросов, связанных с эпохой Возрождения. Несмотря на противодействие защитников марксистской доктрины, он представил обратную сторону так называемых титанов Ренессанса с их вседозволенностью и абсолютизацией человеческой личности. «Эстетика Возрождения» оказалась, как всегда у Лосева, больше, чем эстетика. Это выразительный лик культуры целой эпохи.

Вернулся он и к русской философии, о которой писал в давние времена. Он подготовил большое издание об учителе своей юности, Владимире Соловьёве, напечатав в 1983 году сокращённую редакцию под названием «Вл. Соловьёв». Это вызвало невероятные гонения и на книгу (первую при советской власти о русском философе), и на её автора. Книгу пытались уничтожить, а потом сослали на окраины страны (за невозможностью сослать самого автора). Рукописи Лосева в разных издательствах были задержаны на основе приказа Председателя Комиздата Бориса Пастухова.

Полностью книга «Вл. Соловьёв и его время» появилась в печати только уже после кончины учёного к концу перестройки.

Вот так, хотя бы и с боями, но снова были подняты Лосевым и восстановлены в своих правах различные идеи (причём уже не только на античном материале) и выражены в чрезвычайно острой, яркой и полемической форме.

До конца своих дней этот человек был полон умственной энергии и далеко идущих творческих замыслов.

Окончился жизненный путь Алексея Фёдоровича Лосева 24 мая 1988 года.

Это день памяти славянских просветителей Кирилла и Мефодия, покровителей Лосева с детских лет (в новочеркасской гимназии домовый храм был посвящён этим святым).

Последнее, что он написал, – «Слово о Кирилле и Мефодии – реальность общего», с которым собирался выступить в год празднования Тысячелетия Крещения Руси.

Это «Слово...» в память автора и было прочитано на Международной конференции, посвящённой великому празднеству в честь солунских братьев. Присутствовали многочисленные гости, светские и духовные лица, в том числе высокие иерархи.

Согласно последней воле покойного, его отпевали по православному обряду.

Хоронили в ясный день конца весны 1988 года, выдавшегося в истории нашей страны необычайно свободным... Он так об этой свободе мечтал! «...*Вся история человечества есть не что иное, как движение к свободе...*»

Тогда ещё никто не осознал всех прелестей демократии.

22 сентября отмечает свой 50-летний юбилей замечательный итальянский певец Андреа Бочелли.

*Л. А. Журавель,
библиотекарь отдела
внестационарного обслуживания*

ОН ПОЁТ ПЕСНИ, КАК ОПЕРУ И ОПЕРУ, КАК ПЕСЕНКИ

*Я веду себя как Кутузов.
Всегда...*

Андреа Бочелли

«...Слепой тенор и подлинный феномен оперы большой деревни, коей является мир!..»

«...А. Р.! (after Pavarotti) – prima», «после Паваротти – первый!.. - как пишут маленькие специализированные журналы, - это единственный певец, которому удалось слить воедино поп-музыку и оперу. Он поёт песни, как оперу, и оперу, как песенки».

Это может звучать оскорбительно.

Но результат совершенно противоположный – огромное количество обожающих фанатов. И среди них не только тинэйджеры, одетые в помятые майки, но также и нескончаемые шеренги и деловых женщин, и домохозяек; и неудовлетворённых существованием служащих, и менеджеров в двубортных пиджаках, которые ездят в метро с портативным компьютером на коленях и с компакт-диском Бочелли в плеере.

Уолл Стрит прекрасно соответствует «Богеме».

Это сейчас у Андреа Бочелли – двадцать четыре миллиона компакт-дисков, проданных на пяти континентах и большое количество поклонников...

А начиналось всё не так радужно...

«Андреа родился в 5 ч 10 мин утра 22 сентября 1958 года, вес 3 кг 600 г – новая радость для его мамы и папы» – так написано в одной из обыкновенных детских книжек, которые содержат различные факты о новорождённом и демонстрируют его первые фото.

Сам он не помнит свою жизнь без страсти к музыке.

Детство Андреа прошло на ферме в его родной небольшой деревне Ладжатики, что в провинции Тоскана.

В 6 лет он начинает учиться играть на фортепиано, а позже осваивает флейту и саксофон. Становится солистом в школьном хоре.

Недостатком зрения страдал всегда, а в 12 лет полностью ослеп после несчастного случая.

Его первым увлечением были великие итальянские певцы – Марио Дель Монако, Беньямино Джильи и, особенно, Франко Корелли.

Для Андреа, поглощённого оперной музыкой, мечтой и целью всей жизни стало желание быть великим тенором.

В 1970 году юный Бочелли выигрывает свой первый певческий конкурс, Margherita d'Oro во Вьяреджо. Исполнял «O sole mio»... Позднее он победит ещё на нескольких соревнованиях.

Но со временем юношеские мечты о жизни, посвящённой музыке, столкнулись с реальностью и были подвергнуты серьёзным сомнениям.

Через 10 лет после первой награды Андреа уезжает в Пизу, чтобы получить университетский диплом адвоката.

Несмотря на своё увлечение классикой, он с удовольствием играет в местных ресторанах, исполняет песни таких звёзд-шансонье как Шарль Азнавур, Эдит Пиаф и Фрэнк Синатра.

Время от времени Андреа пытался реализовать свою мечту, исполняя любимые оперные арии.

Узнав, что в Турине проводит мастер-классы кумир его детства Франко Корелли, Андреа, набравшись смелости, приехал к маэстро. Корелли, с удивлением обнаружив в голосе неожиданного гостя естественную красоту – она напомнила ему качество немногих легендарных тосканских теноров, взял молодого человека в ученики.

Ободрённый счастливым поворотом в судьбе, Андреа решает, что после такого посвящения должна доминировать только музыкальная жизнь! Карьера юриста была навсегда прекращена. Теперь будни состояли из изучения музыки – днём и выступлений в ресторанах – ночью.

Суды Пизы так и не дождались возвращения молодого адвоката.

В 1992 году итальянская рок-звезда Зуччерро ищет тенора, чтобы подготовить демонстрационную запись песни «Miserere», которую он хотел спеть вместе с великим Лучано Паваротти. После тщетных поисков на прослушивание пришёл молодой человек, выступающий в местных ресторанах. Совершенно необъяснимо, практически без усилий, он уловил всю сущность песни. Итальянский менеджер Микеле Торпедине специально прилетел в Филадельфию, чтобы показать «Miserere» Паваротти.

Маэстро был ошеломлён: как? этот голос принадлежит неизвестному слепому пианисту из ресторана, а вовсе не талантливому оперному певцу?

Вскоре Катерина Казелли Зугар, президент лейбла «Зугар» (одной из старых и успешных музыкальных компаний страны) на частной вечеринке услышала «Nessun dorma» в исполнении Бочелли. Полная уверенности в том, что он должен показать свой талант широкой публике, Катерина предложила посетить её офис, чтобы послушать неизданную композицию под названием «Il mare calmo della sera».

Через год дебют Андреа Бочелли на музыкальном фестивале в Сан-Ремо увенчался огромным успехом. За эту песню – «Il mare calmo della sera» – он получил самую высокую оценку, которая когда-либо давалась певцам в категории «Новый исполнитель»! В сентябре 1994 года Андреа был лично приглашен Паваротти для участия в концерте «Pavarotti International» в Модене. Он выступал как один, так и в дуэте с самим великим Лучано. В концерте также принимали участие Брайан Адамс, Андреас Вольвайдер, Нэнси Густафссон и Джорджия.

Шоу Бочелли, классические по программе, – но отформатированные по самым передовым законам шоу-бизнеса со спецэффектами – делают классику настолько лёгкой, что она уже не требует от публики ни эмоционального, ни интеллектуального напряжения, а дарит простые человеческие радости – так же, как хорошая итальянская стряпня.

Поэтому его многочисленные диски, особенно те, что называются предельно кратко и доходчиво – «Amore», «Romanza», «Sentimento», «Andrea», «Bocelli», расходятся десятками миллионов по всему миру, а огромные залы на его концертах всегда полны.

Бочелли имеет очень хорошую репутацию в мире классической музыки.

Он принимал участие во многих концертах и фестивалях, включая выступление перед Иоанном Павлом II в канун Рождества 1994 года.

В ноябре 95-го он отправился в турне по Европе с концертной программой «Nights of the Proms». Более четырёхсот пятидесяти тысяч человек посетили эти концерты, и, как результат, второй альбом «Bocelli» попал в бельгийские, голландские и немецкие чарты, где продержался очень долго!

Альбом этот стал дважды платиновым в Италии, шестикратно платиновым в Бельгии и четырежды платиновым в Германии и Нидерландах. Песня «Con te partiro» в течение 6-ти недель возглавляла французский хит-парад. В Бельгии песня стала самым ярким хитом всех времён, продержавшись 12 недель на вершине парада

Третий диск «Romanza» захватил Западную часть мира подобно шторму. Он состоял в основном из подборки поп-песен и немедленно возглавил хит-парад.

В Великобритании, где до этого Андреа Бочелли был совершенно неизвестен, успех диска был просто ошеломляющим. А в Германии, например, «Romanza» удерживал первое место в течение аж 14 недель!

Когда в Италии вышел четвёртый альбом «Viaggio Italiano», в течение нескольких месяцев он был продан в количестве 300 000 экземпляров. Эта запись представляет собой смесь известных оперных арий и традиционных неаполитанских песен.

Итальянец, чей голос способен смешать мелодраму с песенкой из Сан-Ремо, нравится всем.

В Германии, стране, которая открыла его в 96-ом, в хит-парадах он присутствует постоянно. В США он предмет культа: в нём есть нечто, что примиряет домохозяйку с системой «звёзд», от Стивена Спилберга и Кевина Кэстнера до жены вице-президента. Президент Билл Клинтон – «Билл-саксофон», – который знает наизусть музыку к фильму «Канзас-сити», декларирует себя в числе поклонников Бочелли. И он пожелал, чтобы Бочелли пел в Белом доме на встрече демократов.

И пусть не говорят, что своим успехом Бочелли обязан распространённому добродушию и желанию защитить его, вызванным его слепотой. Конечно, физический недостаток играет свою роль в этой истории.

Но факт остается фактом: его голос нравится.

Репертуар, который он представляет, был апробирован в течение длительного времени: немножко Россини, чуточку Верди и, потом – все запетые арии Пуччини.

«После короткого появления в образе Неморино («Любовный напиток» Гаэтано Доницетти служит ему для разбега) он набрасывается на призрак Энрико Карузо, исполняя «O sole mio» и «Core ngrato», спетые в соответствии с неаполитанским стандартом», - пишет официальная критика.

Потом следуют бисы в виде песен из Сан-Ремо и последних шлягеров.

Большой финал с «Time to say good-bye», английской версией «Con te partiro», песней, которая сделала его знаменитым и богатым.

А «Vincero» из «Турандот», благодаря Бочелли, заменила песню «My way» на всех конгрессах американских дантистов.

В общем, в любом случае он отважно верен официальной иконографии итальянца в музыке.

Андреа также записал дуэты с Селин Дион, Эросом Рамазотти и Аль Джерро. Последний певший с ним «The Night Of Proms» в ноябре 95-го, сказал про Бочелли: «Я имел честь петь с самым красивым голосом в мире».

После этого Бочелли продолжил разрабатывать прибыльное поп-направление, выпустив в 1999 году пятый альбом «Sogno», который снова включал дуэт с Селин Дион «The Prayer».

Записанная на сингле, эта песня разошлась только в США 10-миллионным тиражом, и за её исполнение Бочелли получил «Золотой глобус» и был номинирован на «Грэмми» в категории «Лучший новый артист».

В 1998 году Бочелли вошёл даже в число 50 самых обаятельных мужчин, названных журналом «People». Но, хотя к нему и приклеили этикетку секс-символа, Андреа демонстрирует полное отсутствие тщеславия: *«Порой мой менеджер Микеле Торпедине говорит мне: «Андреа, необходимо улучшить твой внешний вид». Но я не понимаю, о чём он говорит»...*

Следующий альбом певца «Ciele Di Toscana» вышел в свет в 2001 году.

Сейчас Андреа – признанный мастер в жанре «кроссовер» – его концерты совмещают в себе оперные арии и популярные песни.

Нынешняя жизнь его – это туры по всему миру, выступления на различных площадках...

У нас в гостях Андреа Бочелли тоже побывал не раз.

Впервые он приехал в Россию, чтобы выпустить свой первый классический альбом «Viaggio Italiano». Запись была произведена в сопровождении Большого симфонического оркестра под руководством Владимира Федосеева.

А через два года маэстро дал концерт в Московской консерватории.

Последние его приезды были в 2006 и 2007 годах.

Он пел на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге и в московском «Олимпийском»...

Хотя центральное место в жизни Андреа всегда занимала музыка, у него есть и много других различных увлечений. Ещё в детстве, возвращаясь из школы, он первым делом бежал в конюшню.

Лошади! Андреа очень любит этих красивых и выносливых животных. И его слепота не помешала ему стать довольно неплохим наездником, а также игроком в шахматы и лыжником.

Завершить этот, может быть и не совсем полный рассказ, хотелось бы отрывком из интервью:

«Моя жизнь была всегда тяжёлой из-за моего физического недостатка, и я благословляю маму, которая никогда не делала скидок на мою слепоту. Она сама бросила сына в воду, когда решила, что ему пора научиться плавать, научила грести и ходить на лыжах, подарила мне лошадь, и я сумел её объездить. Постоянно повторяла: да, с тобой случилось несчастье, но ты должен сделать всё, чтобы быть лучше других!»

«Он прав, - улыбается Эди, мать Андреа, которая старается быть рядом с сыном в сложные и ответственные моменты его жизни. - Я всегда помнила одно высказывание Фрейда: «Если вы любите своих детей, сделайте так, чтобы их жизнь была полна трудностей». Андреа с малых лет много работал. Научился играть практически на всех инструментах. Пользуясь методом Брайля, прочитал гору книг...

И партия Рудольфа («Богема» Дж. Пуччини) ему особенно подходит, потому что и его жизнь наполнена трудностями и проблемами».

«Не преувеличивай, мама, - теперь улыбается уже сын. - В отличие от Мими, моя возлюбленная, моя жена Энрика брызжет здоровьем. С ней я очень счастлив и пою для неё!»

Следующая страница расскажет об ещё одной нелёгкой судьбе – незрячей поэтессе Наталии Мерзликиной 14 октября исполнилось бы 60 лет.

*И. В. Мандрыкина,
зав. отделом комплектования,
обработки и организации книжного фонда*

НЕЛЬЗЯ МОЛЧАТЬ, КОГДА ДУША КРИЧИТ...

*Твоя душа не для тебя горит –
Неси другим хотя бы каплю света.*

Н. Мерзликина

В послевоенной Москве, в 1948 году, осенью, тёплым октябрьским днём, в семье служащих родилась долгожданная девочка.

Родители души не чаяли в дочери. Малышка была общительной и доброй. Став постарше, любила подмосковную природу.

Но ей была уготована непростая судьба.

В раннем детстве, перенеся инфекционный полиартрит, Наташа Мерзликина потеряла возможность передвигаться.

Врачи ничего не могли поделать.

Школу пришлось оставить, учителя приходили к ней домой.

Девочка очень хотела учиться, брала знания отовсюду, где могла: читала книги, слушала радио, всегда радовалась общению с людьми.

Боль с детства стала неразлучной её спутницей на всю жизнь.

Когда Наташе сравнялось одиннадцать, болезнь нанесла ещё один страшный удар: девочка потеряла зрение.

Она ведь даже не могла передвигаться по комнате, а тут ещё слепота...

И тогда Наташа решила: *«Помочь себе могу только я сама»*.

Никогда не ждала она, пока к ней придут – шла сама.

В детстве писала письма в школы-интернаты для слепых и слабовидящих детей, рассказывала о себе. Завязывалась переписка, потом и дружба. Многие люди именно так с ней и познакомились.

Расширить круг общения помогал телефон.

Наташа стремилась вести обычный для её поколения образ жизни, училась, дружила, вступила в комсомол в 1965 году.

В 71-м окончила московскую очно-заочную школу для слепых.

Лет с пятнадцати стала писать стихи, занялась переводами – из «спортивного интереса». Переводила Э. Сегала, К. Брауна и Г. Лея. Эти переводы были опубликованы в 1969 -73 годах в журнале «Советский школьник».

Глеб Еремеев, незрячий поэт, заметил и поддержал талантливую девушку.

В своих стихах она стремилась отразить всю красоту когда-то так поразившей её подмосковной природы.

*Осень лаской дождливою
Напоила зерно,
И рукой торопливою
Застучала в окно.*

*И морозным дыханием
Опалила листву,
И остывшим сиянием
Залила синеву...*

Чувство любви к Родине, гражданский долг, преемственность поколений – всё это есть в её безыскусных стихах.

Она жаждала любить и быть любимой, много писала о любви к природе, людям, к искусству.

*Во всё такая свежесть разлилась,
И в тишине слышны такие трели,
Что от волшебной этой акварели
Уже не отвести влюбленных глаз.*

Понимая, что любовь требует отдачи, раздаривала душевное тепло и свои знания, а также – не жалела свои собственные книги.

Помогала многим найти выход из безвыходного положения.

В 1977 году приняла участие в литературном конкурсе журнала «Наша жизнь» и была удостоена IV премии.

С того же года она – внештатный литературный консультант журнала «Советский школьник».

С удовольствием работает с детьми, начинающими писать стихи.

Вообще, Наталия Мерзликина всегда мечтала быть независимой, даже брала надомную работу на одном из московских предприятий. Но увы! – работать не смогла, здоровье не позволило.

Зато она научилась печатать на машинке, это помогало в литературной работе.

В 80-е годы по радио часто звучала песня на стихи Мерзликиной «Жёлтые цветы» в исполнении солистки ансамбля «Самоцветы» Ирины Шачневой.

Ирина же и написала музыку.

На стихи Мерзликиной писали музыку и незрячие композиторы.

У неё появились ученики, которые оствались с Наталией до последних дней. Наталия Яковлевна дарила людям надежду, указывала путь:

*Как же мне других провести туда,
Где горит огонь жизни и рассвета,
Где за горизонт не зайдёт звезда
И в любой душе не угаснет лето?*

Она много читала, слушала музыку, принимала гостей. Даже сама ездила в гости – и далеко от Москвы.

Неуверенность и отчаяние были ей чужды.

Но... Зоя Шишкова, подруга Наталии Мерзликиной, цитирует такие слова: «Недавно мне приснилось, как некая старуха справа тычет меня пальцем то в плечо, то в колено. И от этого меня всю пронизывает невыносимая боль; я кусаюсь, царапаюсь, плачу, а она не отстаёт...»

Боль не отпускала Наталию Мерзликину из своего плена.

Судьба, забирая одну возможность или способность, даёт другие.

Уже в зрелом возрасте Наталия обнаруживает у себя экстрасенсорные способности, дар целительства.

Она стала лечить. Верила в себя, внушила и другим эту веру. У неё было много пациентов: артисты, писатели, зарубежные гости. Даже священник.

Многие утверждали, что благодаря Мерзликиной избавились от многих недугов. Целительство отнимало много сил, но и придавало их: Наталия ощущала себя нужной.

Во времена перестройки и после неё целительство стало источником дохода для Наталии и всей её семьи.

Наталия издавала свои книги, и не только стихи. Под псевдонимом Анастасия Исса она писала о тайнах земли и космоса, о космических знаках кометы Вселенной, об экстрасенсорных методах лечения.

Незадолго до своей смерти финансировала издание небольших стихотворных сборников подруг.

С годами росла её духовная сила, но физическая – слабела. Невыносимую боль причиняло каждое движение, даже садиться без посторонней помощи Наталия Яковлевна уже не могла.

Но заведенному распорядку дня старалась следовать. Боялась дать себе малейшее послабление. До последнего дня писала стихи. Пыталась всё успеть, всё закончить. Даже в стихах говорила об этом:

*Я не хочу, чтоб это лето
Последним стало для меня.
Как много прежнего привета
В сиреновом начале дня!*

*Как нежно аромат заветный
Наполнил комнату мою!
Не может, нет, он стать последним,
Когда в нём юность узнаю!*

Но её желаниям не суждено было сбыться.

Лето 1999 года выдалось очень жарким, а Наталия Яковлевна жару переносила крайне тяжело. Она сильно страдала.

К физическим страданиям добавлялись душевные: ведь её редко слышали, ещё реже понимали.

В стихотворении от 15 июня 1999 года есть такие строчки:

*И не сбыться забытым желаниям,
Снова путь не пройти, не найти,
Не воскреснуть былым ожиданиям,
Даже счёты ни с кем не свести.*

Летняя жара усилила её страдания и ускорила конец.

4 августа 1999 года Наталии Яковлевны не стало.

Но поэты и чистые духом, светлые люди, просто так из жизни не уходят.

Свет их души, доброта освещают жизнь нам, оставшихся.

И помогают.

Последняя страница нашего сборника посвящается Герою Советского Союза Василию Сорокину – 24 декабря ему исполнилось бы 100 лет.

*Е. Е. Невидимова,
зав. методическим отделом*

НЕ СКЛОНИВШИЙ ГОЛОВЫ

*Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память – наша совесть,
Она, как сила нам нужна.*

Юрий Воронов.

Великая Отечественная война, длившаяся тысяча четыреста восемнадцать дней, потребовала от нашего народа величайшего напряжения, сил и огромных жертв в общенациональном масштабе, раскрыла стойкость и мужество советского человека, способность к самопожертвованию во имя свободы и независимости Родины.

В годы войны героизм стал массовым, стал нормой поведения советских людей. Тысячи солдат и офицеров обессмертили свои имена при обороне Брестской крепости, Одессы, Севастополя, Киева, Ленинграда, Новороссийска, в битве под Москвой, Сталинградом, Курском, на Северном Кавказе, Днепре, в предгорьях Карпат, при штурме Берлина и в других сражениях.

За героические подвиги в Великой Отечественной войне звания Героя Советского Союза удостоены свыше одиннадцати тысяч человек.

И сегодня мы хотим рассказать Вам об одном из них.

Его имя – Василий Андреевич Сорокин, Герой Советского Союза, 100-летний юбилей которого отмечает в этом году наша страна.

Этот человек освобождал от фашистской нечисти и нашу, Донскую землю.

Родился он в 1908 году на Украине в Днепропетровской области. Под самый Новый год – 24 декабря. И – на католическое Рождество.

Семья была большая. Жила трудно. Многие украинские семьи, чтобы не умереть с голоду, в поисках заработка отправлялись переселенцами в Сибирь. Отправились туда и родители Василия Андреевича. Сам он был шестым ребёнком в семье и – старшим из сыновей.

Рано пришлось познать тяжёлый крестьянский труд Васильку. Вместе с отцом он пахал землю, растил и убирал хлеб.

Прошло несколько лет. Постепенно жизнь налаживалась, а украинцы-переселенцы стали возвращаться.

Поехали и Сорокины. Остановились на время в Оренбуржье, да так здесь и остались. Обосновались в селе Студёном Илекского района. К тому времени в семье было уже четырнадцать детей, и Вася, окончив семь классов в школе крестьянской молодёжи в Илеке, пошёл работать в колхоз.

Незаметно подошло время службы в армии. И Василий отправился служить. Служил он в артполку московской пролетарской стрелковой дивизии курсантом полковой школы.

В начале 30-х годов Вася Сорокин – курсант Омской пехотной школы, а затем – курсант Томской артшколы. В 1934 году он уже командир взвода 3-го стрелкового полка в Елабуге и командир 255-го стрелкового полка в городе Троицке.

С мая 1935 года Василий Андреевич – слушатель Горьковской автобронетанковой школы, позднее – Ленинградских Краснознамённых курсов. Через пять лет Сорокин – уже военком одного из районов Тернопольской области.

«...Утром 22 июня 1941 года на Тернополь полетели бомбы. В страхе за детей выскочили из домов жёны военнослужащих. Их на подводах отправили к железной дороге.

Провели срочную мобилизацию. Мы были направлены в Дарницю, где был запас авточастей», - так вспоминает военком первые дни войны.

С сентября 41-го по январь 42-го Сорокин командовал танковой ротой 40-й дивизии 70-го танкового батальона. 17 сентября они отошли от Киева в районы Верхний и Нижний Икорец.

Зимой 40-я рота была направлена на станцию Котельниково нашей, Ростовской области.

Жили в землянках; ездили на завод; собирали, ремонтировали танки; формировали танковые части.

«В составе Донского фронта окружали группировку Паулюса. Там был награждён Орденом Красной Звезды. На Воронежском фронте служил командиром роты 45 танковой бригады. Освобождали Курск. 7 февраля мне присвоили гвардейское звание. Участвовал в Касторинской операции. За курско-орловские бои награждён Орденом Красного Знамени. Освобождали левобережье Украины. В тяжёлых условиях форсировали реку Днепр. Били танки, бомбили самолёты», - читаем мы в дневниковых записях Василия Андреевича.

В районе станции Боярка, воины Сорокина нанесли противнику значительный урон. В боях с немецкими оккупантами на 1-м Украинском фронте командир роты, как писали журналисты, *«продемонстрировал неподражаемые образцы мужества и отваги»*. Выполняя поставленную боевую задачу, его команда стремительно прорвала мощнейшую обороту гитлеровцев.

Оценив обстановку, он вывел свою роту наперерез коммуникационным линиям противника – шоссе Киев – Житомир, тем самым, лишив того путей отступления из столицы Украины.

В боях его рота уничтожила три колонны противника, около сорока автомашин, подавила двенадцать артиллерийских точек, три зенитных установки. Кроме того, огнём из оружия были подбиты две самоходные пушки и четыре танка противника и уничтожено при этом около девяноста солдат и офицеров.

...6 ноября 1943 года в танк Сорокина ударили с воздуха. Осколок, задев механика-водителя, попал в коленный сустав левой ноги Василия Андреевича, раздробив кости. Ранение было очень тяжёлое. Оперировали в Киеве, затем отправили долечиваться в Дарницю.

В конце марта он – снова на фронте. 107-я танковая бригада, где после госпиталя служил Сорокин, успешно вела бои. За 14 дней прошла 525 километров и освободила 32 населённых пункта Польши, из них – 13 городов.

Бригаду наградили орденом Суворова II степени.

...24 июля 1944 года батальон, в котором служил Василий Андреевич, вышел на реку Вислу в район города Демблина. С 9 августа 1944 года, совершив марш в 85 километров, бригада сосредоточилась у города Ласкажев с задачей: полная готовность Вислу форсировать.

Здесь войска освобождали узников лагеря смерти Майданек, в котором фашисты истребили полтора миллиона человек. Михаил Кокарев, бывший военнопленный, в 1946 году рассказывал про все ужасы, испытанные им в лагере. Вот один из эпизодов.

Кокарев подполз к группе умирающих за колючей проволокой, и спросил: «Кто вы?» Обросшие, худые, как скелеты, люди ответили: «Я – Голошубов Николай Никандрович... Я – Орехов Дмитрий Сафронович, Второв, Хутин...»

Все они были его земляками...

20 ноября 1944 года за героизм, отвагу, стойкость и мужество 107-я танковая бригада была преобразована в 49-ю Гвардейскую танковую бригаду 12-го Гвардейского танкового корпуса. С 14 января 45-го бригада перешла в наступление и вошла в город Сохачёв, отрезав пути отхода противника из Варшавы. 19 января вышла за реку Одер к городу Амтдам.

В то время Сорокин был командиром роты в этой бригаде.

Бойцы уважали его за справедливость и решительность. От реки Вислы до Одера бригада прошла в жарких боях 800 километров, освободив 450 населённых пунктов. В феврале рота Сорокина захватила железнодорожный узел, два эшелона с танками и другой боевой техникой врага, а вскоре перешла польско-германскую границу и заняла Кёнигсберг.

За Висло-Одерскую операцию 27 февраля 1945 года Василию Андреевичу Сорокину было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Фронтная газета в те дни писала: *«Танковая рота гвардии капитана Сорокина зашла в тыл врага и перерезала ему пути отхода. Когда на шоссе появилась колонна отступающих немцев, танкисты стремительно атаковали их. Офицер Сорокин смело и решительно вёл свою роту вперёд. Советские танкисты разгромили колонну и уничтожили 9 орудий, 90 автомашин, 6 миномётов, 12 пулемётов, истребили 440 гитлеровцев».*

А с 20 марта 1945 года бригада начала подготовку к наступлению на Берлин.

Берлинская операция была намечена на 16 апреля 1945 года. Сорокин, теперь уже командир 1-го танкового батальона, участвовал в плане подготовки ночной атаки, с прожекторами, для того, чтобы ослепить противника, ошеломить...

...К утру 18 апреля батальон был на подступах к Берлину.

Но не было рядом с танкистами Героя Советского Союза капитана Сорокина.

У безымянной речки, у деревни Ней-Резенталь, Василий Андреевич на своём командирском танке был в разведке. Один из снарядов разорвал люк. Убит командир Алексеев. Вытащили из танка окровавленного Сорокина. Положили почти бездыханного, контуженного на шинель. Лицо, голова, глаза – всё залито кровью. Раздались голоса: «Капитан убит! Сорокин убит!..»

Домой пришла похоронка...

За три недели до Победы...

Что может быть для матери страшнее, чем смерть детей?!!

Но нет, не умер воин!

Помог молодой, крепкий организм да умелые руки московских врачей, которые лечили его до марта 1947 года.

Демобилизовался Василий Андреевич майором в отставке. Слепого инвалида 1-й группы привезла медсестра в оренбургский госпиталь, где ему сделали последнюю операцию на глазах. Он стал понемногу видеть.

Василий Андреевич был счастлив тем, что прошел всю войну и остался жив.

Увидел сына Сергея, дождался внуков – Андрея и Алёну.

Никогда не склонял головы – ни перед врагом, ни перед начальством.

Много лет работал он во Всероссийском обществе слепых, избирался народным заседателем районного суда, председателем Илекской территориальной первичной организации и членом президиума Оренбургского областного правления ВОС.

За боевые заслуги награждён двумя орденами Ленина, орденами «Красного Знамени», «Отечественной войны» I степени, «Красной Звезды», медалями.

Василий Андреевич Сорокин очень много уделял внимания патриотическому воспитанию молодёжи. На многочисленных встречах – учил любить свою Родину, уметь её оберегать.

Рассказывал школьникам о днях минувшей войны, о тяжких испытаниях, выпавших на долю солдат и всего народа.

Есть такая профессия – защищать Родину...

Давно уже нет в живых Василия Андреевича, но память о нём в наших сердцах жива и будет жить вперёд.

Светлым именем Героя Советского Союза Василия Андреевича Сорокина названа одна из улиц города его детства Илека.

С 25

«Святая наука услышать друг друга»: методическое пособие,
Ред.-составитель Е. И. Соколова, – Ростов-на-Дону,
Областная специальная библиотека для слепых, 2008.

«Святая наука услышать друг друга» – методическое пособие, посвящённое деятелям тифлологии – юбилярам 2008 года.

Читателю предоставляется возможность вспомнить страницы жизни поэта Эдуарда Асадова, певца Андреа Бочелли, спортсмена Григория Шнейдермана и других.

Пособие рекомендовано для работы в специальных и муниципальных библиотеках.